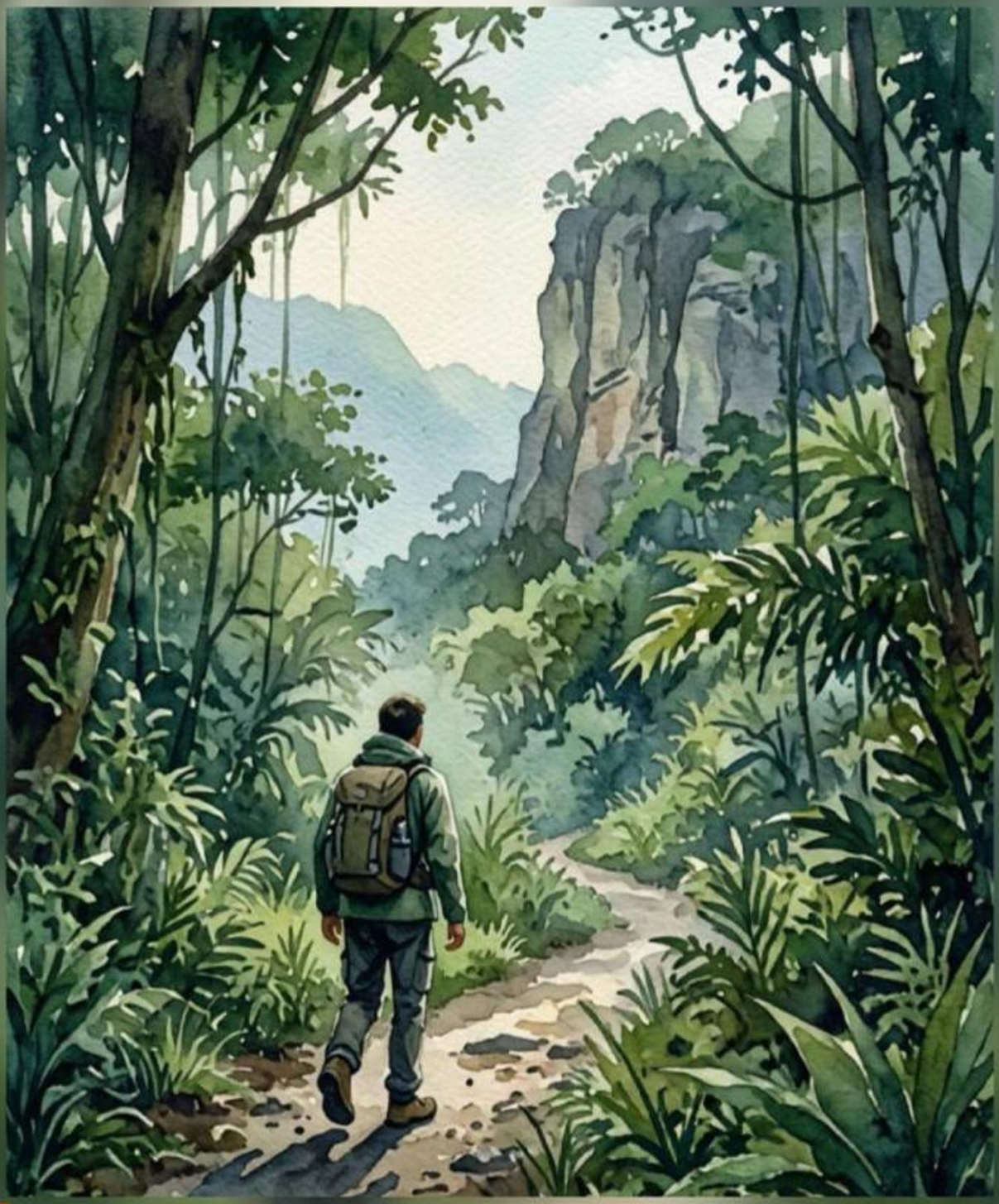
Дмитрий Григорьев

Тенистые тропы Борнео

Дмитрий Григорьев

Тенистые тропы Борнео

«Автор»
2026

Григорьев Д.

Тенистые тропы Борнео / Д. Григорьев — «Автор», 2026

В этой книге представлены рассказы об острове Борнео, основанные на впечатлениях автора, который провел в Малайзии множество замечательных месяцев в поисках гармонии и счастья удивительных открытий. Это, наверное, одно из самых трогательных художественных произведений Дмитрия Григорьева. Обладая особым ощущением красок, света и тени, он создает на страницах книги живописные картины природы. Они наполнены пряными ароматами, музыкой, голосами. С легким юмором выписаны характеры героев книги. Необыкновенные быт, традиции, верования местных жителей удивляют и восхищают своим жизненным ритмом, отношением к окружающему миру, способностью преодолевать трудности. С присущим автору мастерством передано его сочувствие к сбережению природы и древних обычаев жителей острова. Издание адресовано всем, кто любит литературу о живой природе и путешествиях.

© Григорьев Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Райская долина 6
Лунная пещера 9
У реки 13
Хрустальные водопады 16
Сомнительная 23
Кубах 25
Стиль Борнео 28
Неунывающее племя 36
Плато 40
Longhouse 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Дмитрий Григорьев
Тенистые тропы Борнео

Предисловие

Все начиналось стихийно.

Где я, куда устремляюсь, откуда? Вокруг прохладная темнота, глубокая тишина и притягательное сияние вдали; не там ли райская долина? Ощущение эфирной легкости, трепет от ожидания чуда… но все пропало вдруг.

Я проснулся озадаченный картиной сна, захватившей мое летучее воображение, – будто достиг чего-то прекрасного, нового.

Успешное собеседование с главным редактором. Вихрь нахлынувших творческих планов. И вот я в штате крупного издательства, в котором подвязался делать снимки и писать небольшие репортажи для журнала, раскручивающего туристические маршруты. Вначале мне полагалось снимать достопримечательности в подмосковных городках и строчить заметки для иностранных туристов – это, как я понимал, испытание. Затем, убедившись в моих способностях, начальство отправило меня корреспондентом в Тверь на неделю. И это я выдержал, оправдав надежды редактора. Тогда он задумал выслать меня из России.

До сих пор я мечтал отправиться в Италию, но шеф с моим желанием не согласился, заявив, что в Италию и так ездят, летают, ходят на кораблях армии наших туристов. Мне рекомендовали отправиться в Азию. Вот тогда-то я и подмахнул с досады: «На Калимантан, скажете?» И он сказал: «А почему бы и нет». Я даже опешил. Это было по правде неожиданно. Лететь в такую-то даль! Но потом я смирился, начитался об острове книг и проникся к нему интересом. Теперь тропические кущи стали грезиться в причудливых снах. И сны эти превратились в реальность.

Я ухватился за идею с присущим мне русским упорством, которое непременно приводит к успеху. Ничто не воспрепятствует мне в осуществлении замысла. Мое путешествие будет самым важным уроком, который я по-настоящему желал пройти.

Билеты в Саравак с пересадкой в Сингапуре я купил заблаговременно. Потом составил маршрут поездок по острову. Трудился я над ним самозабвенно. В поисках нужных сведений пришлось выжать, наверное, весь Интернет. Денег на проживание мне полагалось вдосталь. Редактор обещал хорошие премиальные, если буду вовремя высылать качественный материал. Кроме того мне полагалось встречать и сопровождать с экскурсией туристов, которые время от времени будут приезжать на остров по путевкам от смежной компании. Только родственники сомневались: «Сумасшедший – он едет за тридевять земель, чтобы увидеть, как там цветет какой-то вонючий красный цветок». Разумеется, не только за манящим где-то в чаще леса реликтовым цветком я устремился на остров. Мне, увлеченному фотографу, страсть как загорелось попасть в тропический мир. В аэропорту провожавшие меня родственники очень беспокоились и предупреждали, чтобы я не ходил в джунгли, где опасные звери от микробов до слонов выйдут на тропу, чтобы задушить меня.

В ту осень мне еще не было двадцати трех лет. Я был уверен, что именно сейчас настало подходящее время, чтобы отправиться в подобное путешествие. Сейчас или никогда. В пути я испытывал радость от скорого свершения всего задуманного, и только опасения, что этому что-нибудь помешает, заставляло меня немало тревожиться, мешая осознавать свое счастье в полной мере. С такими вот противоречивыми чувствами, отдающими безрассудством, но полный решимости, я устремился на юг.

Райская долина

Маленьким самолетом Малазийских авиалиний я отправился в Сердце Борнео – нетронутые пилами леса, и приземлился в Мулу – заповедном горном районе штата Саравак, где каждый год биологи открывают новые виды животных, растений и грибов. Но вдруг осечка: в туристическом лагере мест не оказалось, – надо было бронировать койку заранее, – поэтому пришлось искать жилье за территорией – в «Mulu River Lodge». Эта опрятная ночлежка со всеми удобствами и рестораном выстроена у реки Мелинау возле главного входа в Национальный парк. В длинном помещении размещены около полусотни кроватей, точно в войсковой казарме.

Я подошел к стойке администратора, за которой оказалась маленькая пожилая женщина с черными едва тронутыми сединой волосами и, поздоровавшись, сообщил:

– В лагере все места заняты.

– Все заняты, – с сочувствием повторила она.

– Много туристов приехало.

– Много, – покачала она головой.

– Не найдется ли у вас свободное место?

– Найдется, – охотно отозвалась она. – У нас места есть. Сколько человек?

– Один.

– Один? – она немного удивилась. – Хорошо, нужно зарегистрироваться. Вот здесь в журнале. Ваш паспорт, пожалуйста…

Спустя пять минут я сидел на своей прилежно заправленной постели в просторном, как бальный зал, помещении и озирался по сторонам. Большинство кроватей пустовали, на некоторых разбросаны чьи-то вещи, а на одной кто-то спал, поджав ноги. Я с облегчением вздохнул: по крайней мере, на ночь я пристроен. Зато под боком лес, и каждое утро, пройдя по колеблющемуся над рекой подвесному мосту, можно этот первозданный мир посещать.

Испытывая трепетное желание поскорее очутиться в джунглях, я наскоро переоделся, сунул в рюкзак бутылку воды, натянул его на плечи и поспешил на волю. Со мной была тетрадка, я купил ее в Кучинге и, подписав своим именем, указал московский адрес на тот случай, если она потеряется, – может быть, вышлют почтой, – и с этого времени решил каждый вечер выводить на ее страницах пройденный маршрут, впечатления, наблюдения, мысли. Они пригодятся для журнальных очерков. О, как я ждал этой встречи с джунглями – незнакомой и таинственной обителью необыкновенных звуков, красок, запахов – этими райскими кущами полными чудесных существ.

Наверное, на всю жизнь останется в памяти мое первое посещение тропического леса. Ощущение странное, захватывающее, пряное – такое оно было особенное. Казалось, что погрузился я в звенящее, дышащее влажным теплом, пестрое царство, где блуждает растерянный взгляд с непривычки не способный сосредоточиться на чем-то определенном. В тени невероятно высоких, будто колонны, стволов старых деревьев ловят солнечные лучи худосочные кустики, орхидеи, миниатюрные пальмы, а вверху плотным шатром простирается ажурный лесной полог. И лес этот, раскинувшийся среди гор, чьи вершины окутаны густыми, как взбитые сливки, облаками, представляется непреступным, с таинственной, скрытой от посторонних глаз, первобытной жизнью.

На другой день для знакомства с окрестностями я записался в группу туристов с проводником, рассудив, что потом стану бродить по лесным тропам самостоятельно. Вечером, за три часа до заката, наша группа отправилась к пещерам. Тропы из туристического лагеря к лесным диковинам выстланы для удобства деревянными половицами, над ручьями наведены мостики. Мой верный фотоаппарат «Nikon» наготове: в ночлежке возле каждой кровати в стене торчало

рыльце розетки, и я сразу же зарядил для него аккумулятор. Во время этой экскурсии я рассчитывал хорошенько поснимать.

К Оленьей пещере нашу группу из пяти человек повел средних лет, полноватый малаец из служащих. На нем была темно-зеленая футболка с птицей-носорогом и надписью «Mulu», шорты и высокие ботинки. Звали его Хазрин. Попутно он знакомил нас с местными растениями и мелкими животными, которые встречались на маршруте, и позволял себе подшучивать.

– Будьте осторожны, эта гусеница ужалит вас от малейшего прикосновения к ее волоскам, – предупредил он, показывая на пушистого рыжего червяка размером с мой указательный палец, который с аппетитом грыз лист, повисший на ветке над самой тропой. – А эти лопухи не следует использовать в качестве подтирки: они жгутся. В противном случае, ваш горестный вопль распугает всех зверей в округе… Стойте! Вон там, видите?.. Нет, на соседнем стволе. Это самая маленькая белка Борнео. Местным насекомым она доставляет немало неприятностей – очень прожорливая…

Никогда не слышал, чтобы белки питались насекомыми. Впрочем, на Борнео, с его древними лесами, все возможно. Приглядевшись, я наконец разглядел крошечного, величиной с мышь, серенького зверька с пушистым хвостом. Белка замерла на стволе, разглядывая людей с любопытством, а потом, ловко цепляясь коготками за кору, побежала вверх, помахивая хвостом, словно флажком.

– Эти бабочки самые редкие в Сараваке, – объяснял Хазрин, спустя некоторое время пути, когда наша группа остановилась, пристально взирая вперед на бабочек возле маленькой лужицы. – Они названы в честь основателя династии белых раджей птицекрылками Брука…

Я с восхищением глядел на птицекрылок, потягивающих своим хоботком воду. Они были прекрасны. Их удлиненные черные крылья разрисованы рядом переливающихся зеленых треугольников, грудка украшена пушистым алым воротником, а на задних крыльях блестят голубые полосы. Несколько минут эти бабочки позировали перед объективами фотоаппаратов, а когда мы продолжили путь, они поднялись в воздух и закружили над тропой изящным хороводом. Попрощавшись с птицекрылками, Хазрин серьезно предупредил:

– За их убийство с целью коллекционирования, поедания или содержания в неволе назначается штраф 10 000 ринггит или один год тюрьмы.

А лес звенел голосами тысяч насекомых. Я восхищался мощью, пронзительностью и разнообразием певческих способностей цикад. Они заглушали всех прочих вокалистов леса. Их пение сливалось в единый звон. Казалось, где-то вверху деревья облепили пилильщики-гиганты, на самом же деле, самые крупные цикады здесь величиной с воробья. Но даже мелкие певцы умеют оглушить своими трелями.

Лес полон жизни. Но без проводника я бы мало что увидел – нужно привыкнуть. Впереди еще много дней для походов. Ведь мне хотелось испытать, почувствовать, осознать, каково это быть в джунглях одному. Я делал снимки. И добычей моего Никона становились самые разные существа: длинная розовая многоножка на замшелом валуне, элегантная цикада-фонарница в зеленоватом с золотистыми пятнами наряде и длинным изогнутым носом, сверкающий бронзовой чешуей юркий сцинк в палой листве, черная с белыми полосами сухопутная планария с такой странной серповидной головой, точно она подавилась полумесяцем. И вдруг группа полунагих даяков из племени оранг улу. Они возвращались из леса с плетеными из ротанга корзинами, висящими на спине. Невысокие, смуглые, черноволосые мужчины в набедренных повязках украшены татуировкой на груди, руках и ногах. Женщины в саронгах вроде юбки, увешаны разноцветными бусами, в их отвислые продырявленные мочки продеты по нескольку блестящих колец. Эти люди показались мне очень серьезными и невозмутимыми. Хазрин поприветствовал старшего из них, который шел впереди, после чего даяки продолжили путь в молчаливой задумчивости. Я тогда решил, хорошо бы посетить их деревню, чтобы поснимать быт этого племени.

Возле маленькой лужайки со скамейками тропа повернула к скале, едва различимой среди деревьев. По сторонам возвышались утесы покрытые папоротниками, кустами и мхами. И вскоре мы оказались перед входом в пещеру, темнеющую посреди леса, словно раскрытая пасть какого-то гиганта. Хазрин рассказал, что это одна из самых больших пещер мира, что ее протяженность около двух километров, а высота в некоторых местах достигает более ста метров, что называется пещера «Оленья», поскольку в этих местах пасутся олени; они приходят сюда пить воду, лизать соль или укрыться от дождя. Пещера эта сквозная, как туннель. Сверху свисают каменные сосульки – сталактиты. На потолке темнеет скопище летучих мышей. Их здесь несколько миллионов, и перед закатом, как обещал Хазрин, у нас еще будет возможность увидеть их вылет на ночную охоту. Я никогда еще не был в пещерах, потому сравнивать мне было не с чем, но это не помешало мне осознать величие Оленьей пещеры.

Войдя в сумрачную галерею, мы двинулись по тропе, освещенной фонарями, к которым электричество подавалось от генератора, гудевшего в кустах снаружи. После жаркого лесного воздуха, взмокшее тело приятно окутывала прохлада, и освежал сквозной ветерок. Тропа огибала скалы. Я двигался в полумраке, стирая с лица упавшую каплю, и фотографировал сталагмиты, которые представляли собой нерукотворные изваяния: чудовищ, монахов, зверей, застывших в причудливых позах. Тут и там звякала в лужах капель, журчали ручейки, а где-то вдали бурлила подземная река. Легендарное Царство Тьмы. Тени, демоны, таинственные звуки… Как вдруг далеко впереди завиднелся яркий свет. Он увлек мой любопытный взгляд. Свет этот поначалу казался маленьким пятнышком, бликом. И я устремился к нему, поднялся по склону пригорка и остановился перед ограждением на маленькой смотровой площадке. Теперь это «окно», из которого лилось золотисто-зеленое сияние, было передо мной. Казалось, до него только руку протяни, но между нами сотни метров. И тут я испытал странное ощущение, будто бы уже был здесь, видел это свечение и стремился к нему. Это был сон? Я вспомнил его. Сон сделался явью. Но как отчетливо он сейчас проявился! Это таинственное совпадение потрясло меня… Вдруг неожиданный голос проводника Хазрина оборвал мои размышления.

– То выход в Райскую долину, – объяснил он, отдышавшись после подъема. – Удивительное место, отрезанное скалами от внешнего мира. Нужно иметь альпинистское снаряжение, опыт и закалку, чтобы спуститься с этой вот скалы, перейти вброд подземную реку и, преодолев небольшое ущелье, выбраться из вечной тьмы в сад Эдема.

Я все глядел на изумрудные деревья, облитые ярким тропическим солнцем, и думал, что в таком вот саду первые люди жили счастливо в своей беззаботной жизни, пока не были навсегда изгнаны Отцом за свое преступление. Эта пещера Тьмы, свет, увлекающий к выходу в Рай, и сад, кажущийся таким недоступным, – точно ожившая иллюстрация из Библии. С благоговением я взирал из мрака на этот желанный пейзаж. На обратном пути он долго не выходил из моей головы. А потом, на лужайке со скамейками, напротив пещеры, вход в которую теперь скрывали деревья, летучие мыши устроили вечернее представление. Они покидали свою обитель большими стаями, растянувшись в змеевидные ленты, как сигаретный дым, и отправлялись кормиться до утра. Задрав голову, я следил за полетом этих зверьков, и пещера словно выдыхала их из своего зева в вечернее, но еще светлое небо.

Лунная пещера

Все последующие дни, что я жил в Мулу, прошли на лесных тропах. Сначала это были короткие маршруты утомительные для непривычного к экваториальному климату моего северного организма: тело скоро сдавалось и требовало отдыха, а дух, неутомимый и очень любопытный, заставлял, уговаривал, требовал продолжения пути. Но спустя несколько дней я начал привыкать переносить влажную жару, брал в дорогу бутылки воды и освободил рюкзак от всего лишнего. Так, постепенно, я уходил от туристического лагеря все дальше, а возвращался все позже.

Увлечение фотографией затянуло меня безвозвратно. Мой верный Ники ненасытно требовал новых впечатлений. И я покорно следовал по тропе, осматриваясь, прислушиваясь, и делал снимки. Вскоре мои глаза привыкли к пестрому разнообразию лесных зарослей и научились вылавливать в них самое ценное. Высоко над головой сквозь прорехи в кронах горело солнце. Его редкие лучи падали на бурую землю, листья кустов, камни. Каждый такой луч, как фонарик в лесном полумраке, высвечивал для меня то пятнистый цветок наземной орхидеи, то блестящую бабочку, то бронзовую спинку ящерицы, принимающую солнечный душ на трухлявом пне.

И вот удача: возле тропы на сухих скрюченных листьях в растерянности замерла зеленая древесная агама с гребешком на голове и шее. Ее челюсти, усаженные мелкими острыми зубами, сжимали огромного полумертвого богомола, который из последних сил едва отпихивался от хищницы своими колючими лапами. Ящерица глядела на меня круглыми золотистыми глазами с негодованием. Она явно замешкалась, не зная, как поступить: то ли бросать лакомую добычу и – наутек, то ли отдаться воле судьбы – вдруг повезет, и чудовище, склонившееся с блестящим пристально взирающим глазом, не посмеет обидеть. Так и сидела ящерица, путаясь в двух мыслях, как застывшая аллегория Дилеммы, пока я снимал ее.

В тот раз после ночного дождя тропа еще не просохла. Почва была настолько пропитана влагой, что подошвы ботинок скользили по ней, как по шоколадному маслу, и мне приходилось утраивать внимание, чтобы не поскользнуться. А тропа извивалась среди вековых деревьев похожих на ракеты, устремленные в невидимую высь, пролегала над ручьями – тут были заботливо переброшены доски, – а местами проползала между невысоких серых скал, поросших папоротниками, мхами и орхидеями. Я осматривал эти глыбы, рассчитывая найти что-нибудь интересное, вроде спящего питона, и делал снимки цветов. Как вдруг слева, среди дымчатой зелени подлеска, показалась огромная зубастая пасть. Это был грот.

Высокая стена горы поднималась тут над лесом. Она поросла травой, кустами и корявыми деревцами со змеевидными корнями. Я направился к ней. Грот был высокий, но не глубокий, темный и прохладный. Я вошел внутрь. Под ногами мягкий серый песок. С потолка капало. Какое-то небольшое животное, похоже, циветта, оставила на песке цепочку следов. Наверное, прячется где-нибудь здесь среди камней после ночной охоты на спящих птиц и белок. И тут еще одна редкость – странное на вид растение из рода Monophyllea. Оно выросло на сырых отвесных скалах над входом в грот. Его единственный широкий ребристый лист лопухом в форме сердца сидит на коротком черешке, а из основания этого листа зелеными змейками возносится пучок стебельков, увенчанных кистью мелких белых цветков. Только в горах Борнео встречается это растение. Обследовав грот и не найдя больше ничего интересного, я вернулся на тропу и продолжил поход.

Кора старых деревьев обросла подушками мха, среди которых торчали стебли миниатюрных орхидей-дендробиумов с такими крошечными бледненькими цветочками, что трудно на них сфокусировать объектив фотоаппарата. Множество других орхидей давно отцвели и сидели на коре в ожидании дождя, который напитает их подсохшие за день корни, похожие на

мочало. Тут и там зеркалами поблескивали небольшие пруды, из которых доносились странные лающие вопли лягушек. Сколько я ни пытался поймать их объективом – никак не получалось. При моем приближении эти неуязвимые хористы мигом замолкали и надолго скрывались на илистом дне.

В конце другой тропы с деревянным настилом начиналась лестница, которая вкривь и вкось повела меня наверх вдоль скалы. Под ногами хрустели сухие палые листья. Подъем был крутым и продолжительным, я до нитки промок от пота, прежде чем оказался на небольшой платформе со скамеечками. Теперь я был над лесом, и среди крон деревьев под солнцем поблескивала внизу река. На вывеске, прикрепленной к скале возле входа в пещеру, к моему сведению было написано: «Moon-milk Cave». Я вошел в сумеречную прохладу, включил фонарик и тотчас же понял, откуда такое название. В свете фонаря стены пещеры излучали бледный лунный свет. Они были покрыты слоем кристаллов, словно припорошены мукой. Залы этой пещеры оказались небольшими, а некоторые проходы и коридоры между ними – такими узкими, что мне приходилось снимать рюкзак, чтобы боком протиснуться. На потолке висели колонии летучих мышей. Разбуженные зверьки сверкали на меня сердитыми глазами. Бледными сосульками свешивались громоздкие сталактиты. И было что-то неземное в бледном сиянии стен. Побродив в чреве горы и охладившись, я выбрался наружу и начал спускаться на землю.

В ночлежке туристов было немного, поэтому большинство кроватей по-прежнему пустовали. После душа перед ужином я выходил на веранду и в одинокой задумчивости глядел на реку. При свете ламп красные цветы гибискуса, разросшегося на берегу среди деревьев, в сером полумраке выглядели выразительно, будто пятна крови. Я слушал плеск рыбы, шорох ночной бабочки, бьющейся своим мохнатым тельцем о лампу, тиликанье сверчков под верандой и обдумывал планы на завтрашний день. Небо уже черное, все в блестках звезд, и месяц подмигивал мне между листьев пальмы. Теперь было свежо и покойно, чего всегда желаешь после утомительно жаркого дня.

Заняв столик напротив стойки бара, я заказал на ужин макароны с курятиной и баночку тоника. Несколько туристов за пивом оживленно делятся впечатлениями о походе к пещерам. В доме хозяев ресторана двое мальчишек, сидя на диване, увлеченно смотрят по телевизору «Том и Джерри». В соседних кустах трещат кузнечики. И во всех этих звуках ощущалось уже вечернее умиротворение. Ложился я поздним вечером и засыпал под неразборчивые разговоры курильщиков на веранде, шарканье ног бредущих в душевые и шуршание пакетов, когда кто-нибудь копался в своей сумке в поисках нужной вещи.

В другой раз я направился к водопаду, и ценность этого похода была не столько в том водопаде, сколько в окружающих зарослях. Тропа вела по сумрачному лесному ущелью среди гор. Справа, под склоном горы, катилась по камням река Мелинау Паку. Она подмывала серые стены с редкими кустиками, шумела на валунах и стихала на ровном песчаном участке, образуя теплые заводи. В этом районе было много старых дуплистых деревьев, которые облюбовали птицы-носороги. Я вскоре услышал их тяжелые свистящие взмахи крыльев. Рассмотреть этих птиц в кронах – нелегко. Но я слышал их клаксонную болтовню. А потом мне повезло: одна птица медленно пролетела вдоль серой отвесной скалы и села на толстый сук корявого дерева, растущего у подножья над рекой. Думаю, что они давно заметили меня на тропе и потому осторожничали на случай, если я вдруг достану духовую трубку с ядовитыми стрелами и начну охоту. Но вместо этого, я лишь пытался нацелить на них свой фотоаппарат, что, впрочем, было бесполезно: птиц всюду заслоняли ветви деревьев. Черные, как ворон, большие белохвостые калао с длинным клювом и огненного цвета рогом, изящно изогнутым над ним. Своим клювом, как пинцетом, они ловко срывают маленькие плоды фикусов и кивком отправляют в глотку. А зачем им требуется такой большой рог – никто не знает. Этих странных на вид птиц даяки почитают как посредников между миром живых и миром духов.

Лес тут древний. Подобный пейзаж голливудские режиссеры старательно изображают в фильмах о жизни динозавров на каком-нибудь секретном острове. Я шел тихо и осторожно, рассчитывая застать птеродактиля, сидящего на скале, – именно здесь бы им сохраниться вдали от шумной цивилизации. Все настораживало меня. Болота, ручьи, заросли… и вдруг среди доисторического мха брошенная кем-то смятая коробка из-под сигарет. Такой беспощадный поступок прошедшего до меня человека трудно простить. Она, эта коробка, вернула меня в двадцать первый век. Но вскоре я позабыл о ней, потому что лес вновь отвлек меня своими оригинальными картинами.

На стволах, сучьях и лианах, перекинутых с дерева на дерево, словно телеграфные провода, сидят папоротники-асплениумы с длинными салатовыми вайями, оленьи рога, растущие из листа-кармана, разлапистые птерисы. Они, порой, образуют такие густые заросли, что какой-нибудь старый диптерокарпус, фикус или пальма кажутся увешанными висячими садами.

Я заглядывал в кусты, за дерево, в дупло и делал снимки всего, что там скрывалось. Вот желтый рогатый паук на паутине, большая улитка с дисковидной раковиной, стрекоза…

Я не сразу сообразил, что делает эта тоненькая, ничем не примечательная серенькая стрекоза возле паутины. Я ожидал, что глупое насекомое вот-вот заденет сеть своим длинным эфирным крылышком и запутается в ней. Но ничего подобного не происходило. К моему недоумению, стрекоза рассматривала паутину, словно изучая ее ажурную конструкцию. Но все оказалось гораздо хитрее. Эта стрекоза крала из сети запутавшихся в ней мошек! Делала она это с осторожностью и ювелирным терпением. Паук-хозяин даже не осознавал, что на самом деле происходит. Он притаился под зеленым листком, держась лапкой за сигнальную ниточку, и ждал, когда эта стрекоза, наконец, попадется, чтобы с ней расправиться. Напрасны были его надежды. Стрекоза тщательно обследовала сеть, неторопливо облетая ее с одной и с другой стороны, зависала на месте, разглядывала нити своими большими глазами. Но едва в паутину попадала мошка, стрекоза кидалась к ней, осторожно снимала челюстями и съедала. Название этой стрекозы мне было неизвестно, поэтому я присвоил ей подходящее имечко: «паутинный вор».

Продолжая путь, я вновь и вновь слышал какой-то странный шуршащий звук и не мог понять, отчего он происходит. Наконец я заметил, что раздается он всякий раз, когда я прохожу мимо нависающих стеблей ползучей пальмы, усеянных такими длинными шипами, что в любую секунду они могли выколоть мне глаз. Я коснулся листа и прислушался. Тотчас же звук повторился. И раздавался он изнутри стебля. Можно было подумать, что эта пальма гневно ворчит на меня, не желая, чтобы ее трогали. Но вскоре я разобрался, в чем дело: в стебле живут муравьи, и когда я к их жилью прикасался, они начинали ритмично щелкать челюстями и в поисках врага выбегали наружу.

Маленький водопад, поблескивая серебром, низвергался в реку под скалой. На мелководье тенями стояли стайки пятнистых рыб. Когда я вошел в воду, рыбы мигом устремились ко мне и принялись покусывать мою кожу. Я чувствовал щекотку от их зубастых поцелуев. Но когда ко мне подплыли рыбины покрупнее, я заторопился на берег, решив, что от их челюстей приятного будет мало. Сидя на желтоватом песке, я бросал в воду камешки и палочки, рыбы бросались на всякий мусор, который плюхался на их территории, но распознав обман, оставляли его без внимания и снова чего-то ждали.

Все казалось неизменным здесь. И этот лес, и этот маленький водопад, шумящий, быть может, тысячу лет, а наверняка и больше, и эти рыбы в реке, и стрекозы… И очень хотелось, чтобы все в этом лесу среди гор жило еще очень долго.

Так проходили дни. Из каждого похода я возвращался с богатой коллекцией снимков и потом, сидя в кресле на веранде за чашкой кофе, я разглядывал их на экране Никона. Из этого потока будет, что выбрать, – мечтал я. По потолку суетливо бегали гекконы. Я поглядывал на них, опасаясь, что в азарте погони за мотыльком, кто-нибудь из них плюхнется в мою чашку.

Над вершинами гор столпились белые пышные облака. Одно из них оторвалось от стаи и, проползая над лагерем, пролило дождь. На полчаса сделалось шумно. Капли выбивали дробь по листьям, крыше, земле. А потом все стихло и посветлело. Вечером солнце залило веранду оранжевым светом. С наступлением темноты завели свои трели лягушки. А я достал тетрадку и при бледном свете лампы принялся делать в ней записи.

У реки

В один из тех дней я вернулся из трехдневного похода на гору Апи, где фотографировал скалы, похожие на острые зубы ящера-гиганта, и теперь, дожидаясь обеда, искал место для отдыха на каменистом берегу реки Мелинау. Увидав толстый ствол поваленного дерева с торчащими во все стороны корнями, будто щупальца осьминога, я направился к нему. Кора на этом стволе местами слезла, обнажив гладкую белую древесину. Я снял рюкзак, сел на ствол, разулся, бросил ботинки через плечо подальше на гальку и опустил усталые ноги в воду. Тень деревьев, что возвышались над пологим утесом, защищала меня от распалившегося после полудня солнца, но стоило мне протянуть руку, как солнечные лучи обжигали ее.

Дождя не было второй день. По ослепительно-синему небу ползли белые как хлопок облака. Солнечные блики на воде привлекали разноцветных бабочек, которые порхали над рекой и садились передохнуть на валуны, что высовывались в жемчужных пузырях неподалеку от берега. На другой стороне этой горной реки лес поднимался стеной, и мой рассеянный взгляд теперь перебирался с ветки на ветку, прыгал по развешанным, как гирлянды, лианам, скользил по кронам и блуждал вдоль берега в надежде углядеть что-нибудь примечательное. Позади меня меж кустов терялась тропинка наверх. Она вела в деревушку даяков племени оранг улу, откуда сейчас доносилось вызывающе настойчивое кукареканье какого-то безмозглого петуха. Неподалеку, ниже по течению, плескались в реке местные ребятишки. Жарко. Их вопли, смех, болтовня мешались с шумом воды и со звонким хором насекомых, вливаясь в единую музыку дневного зноя. Из-за деревьев я едва различал мелькающие тела мальчишек, когда они сигали в воду с маленького деревянного причала, у которого все еще не было ни одной лодки.

Как вдруг я услышал шорох листьев и обернулся. По темной тропинке спускался мальчик. Заметив меня, он застенчиво улыбнулся и сказал по-английски:

– Привет!

– Привет! – ответил я.

Мальчик захрустел по гальке к реке, а потом склонился и стал собирать камешки. На вид ему было лет десять. Наверное, он только что оставил своих резвящихся в воде друзей: по его бронзового оттенка коже скатывались ручейки и с мокрых черных волос, стриженных кругом, кроме нескольких прядей, опускающихся с затылка до плеч, все еще капало. Подобрав подходящий камешек, мальчик засовывал его в карман синих шортов.

– Зачем они тебе? – спросил я.

– Играть, – просто ответил мальчик.

А потом выпрямился и объяснил:

– Он будет прыгать по воде, как лягушка. Вот так, – с этими словами, он размахнулся и запустил камень.

Тот, подпрыгнув по воде два раза, скрылся из виду.

– У тебя хорошо получается.

– Хочешь попробовать?

Через минуту мы оба соревновались в ловкости, у кого камень сделает больше прыжков. Когда голыши закончились, мы принялись собирать другие, пока карманы шортов моего нового знакомого не переполнились тяжестью.

– Я видел тебя вчера на базаре, – сказал мальчик.

– Я искал дуриан, – ответил я.

– Но сейчас его нет, – он подозрительно прищурился. – Не сезон.

– Пришлось купить гроздь бананов, они-то всегда есть, – сказал я и направился к поваленному дереву.

– Меня зовут Табонг, – сказал мальчик, следуя за мной. – А твое имя?

Я назвался и сел на прежнее место. Табонг встал рядом и оперся ногой о корягу.

– У нас во дворе растут несколько манго, но плоды еще зеленые.

– Ты из этой деревни? – спросил я.

– Мой дом там, – показал рукой куда-то выше по склону.

– У тебя татуировка на плече, разве детям даяков уже разрешается?

Табонг поджав плечо, поглядел на дракона, затем поддел его ногтем и осторожно отклеил, показывая мне.

– Вчера один австралийский турист подарил мне жевательную резинку. Под оберткой была эта наклейка, – словно бы оправдываясь, сообщил Табонг и прилепил дракона на прежнее место. – А у тебя есть татуировки?

– Нет, в нашей стране не обязательно их носить, – ответил я.

– Ты австралиец?

– Нет, я из России.

Табонг кивнул, хотя эта новость не произвела на него никакого впечатления.

– Можно мне сесть?

– Садись.

Табонг повернулся спиной к стволу, с толчком запрыгнул на него и свесил ноги.

Некоторое время мы глядели на реку, собираясь с мыслями, а потом я заговорил:

– Когда ты подрастешь, тебе ведь сделают настоящую татуировку, верно?

– У меня будет много татуировок здесь, здесь и здесь. – Табонг показал рукой на плечо, грудь и ногу. – Я отправлюсь странствовать в другие деревни, как ты и тот австралиец.

– И станешь охотиться за головами? – я сделал серьезный вид.

На губах мальчишки появилась улыбка.

– Нет, за головами я не буду охотиться, – уверенно пообещал он. – У нас дома много старых голов. Они висят под потолком. Мой прадед был очень сильным и мог победить даже черного дракона.

– Кто этот дракон?

– Если дракон разозлится, то может убить нас всех. Он живет в старой пещере. Это на вершине вон той горы.

– Ты боишься его?

– Нет.

– Честно?

– Ведь мы не беспокоим его.

– А те головы очень старые?

– Им больше ста лет.

– Но ведь чтобы стать взрослым и жениться, нужно принести домой хотя бы одну голову убитого человека и свежую кровь, – допытывался я.

– Дедушка говорит, это старая очень плохая идея, и запрещает убивать, – ответил Табонг.

– Почему?

– Раньше пенаны убивали только вооруженных воинов.

– А если бы у меня был большой нож?

– У тебя нет его.

– Допустим, у меня есть нож.

Табонг звонко рассмеялся.

– Все равно ты не воин, – проговорил он сквозь смех, глядя на меня своими блестящими черными глазами, и затем с важностью добавил: – Ты наш гость.

Я покачал головой.

– Значит, туристы могут не беспокоиться?

– Не бойся, никто не станет тебя убивать.

– Я и не боюсь.

Затем некоторое время мы слушали пение реки. Табонг ковырял ногтем остатки коры на стволе. Я снова поглядел на его дракона, а потом поинтересовался:

– У вас в школе есть компьютеры?

– Да.

– Играешь в Интернете?

– Вчера я убил много врагов и достиг девятого уровня.

– Поздравляю.

Вдруг на склоне в кустах послышался шорох. Мы разом обернулись. На тропе показались двое пузатых мальчишек. Не решаясь сойти на пляж, они глядели на меня из полумрака.

– Это мои братья, они ждут меня, – сказал Табонг, спрыгивая с бревна в воду. – Я пойду?

– Конечно, – ответил я. – Рад был поговорить с тобой.

– До встречи! – сказал Табонг, улыбнулся, показав ослепительную белизну зубов, и побежал за своими братьями, которые тотчас растворились в тенистых зарослях, как невидимки.

Мало-помалу солнце вновь добралось до меня и стало жарить. Но я совсем уже оправился от усталости. Повесив рюкзак на плечи, я подобрал ботинки и зашагал в деревню.

Хрустальные водопады Ламбира

В каком-то старом журнале о природе, не запомнил, в каком именно, я прочел будто бы по заверению уважаемых профессоров ботаники самые богатые нетронутые леса остались в Амазонии и на острове Борнео. Мол, в этом еще можно убедиться, приехав, например, в Национальный парк Ламбир, что в 32 км от города Мири. В здешних лесах ученые насчитали более 1200 видов деревьев. Такого пестрого леса не найти больше нигде на Земле. Джунгли Ламбира покрывают склоны гор, глубокие ущелья, берега рек. Под пологом леса скрываются тоненькие ручьи, водопады и древние скалы. На таком разнообразном ландшафте живут растения всех форм: от крошечных водорослей до деревьев-гигантов.

В Ламбире меня никто не ждал – я не успел предупредить администрацию парка о своем приезде, поэтому был готов к тому, что мне не хватит места в гостинице и вечером придется возвращаться в город в поисках ночлега.

Я вошел в кабинет управляющего и поздоровался. Невысокий, усатый с пышными кудрями человек в защитного цвета форме служащего оторвал взгляд от бумаг, которые изучал весьма сосредоточенно и поглядел на меня с любопытством. Я представился и поставил сумку на пол.

– Меня зовут Тони, – назвался он и, показав рукой, предложил садиться. – Что вам угодно?

Я сел за его стол напротив и ответил:

– Хотел бы остановиться в Ламбире на недельку.

– У вас есть бронь?

– Нет, я прямиком из аэропорта, в город не заезжал.

Некоторое время Тони задумчиво разглядывал бумаги на своем столе, а я ждал, что он ответит на мой легкомысленный поступок, и начал было досадовать, как обидно теперь отсюда уезжать, не посетив толком желанного леса.

– Не беда, – наконец сказал он великодушно, – мы поселим вас в «Hill House», – положил передо мной гостевой журнал, – пожалуйста, зарегистрируйтесь… вот здесь.

Я воспрянул духом от столь быстрого решения дел, достал из рюкзака свой паспорт и стал переписывать личные данные. Между тем, Тони обернулся, снял с доски ключи и, когда я закончил писать, вручил их мне.

– А что туристов сейчас много? – поинтересовался я.

– Никого, – ответил Тони. – К нам обычно на выходные приезжают из города. А сейчас тут свободно.

После этого я полез в карман за бумажником, чтобы заплатить за комнату.

– Не сейчас, – остановил мой порыв Тони. – Вдруг вы решите задержаться у нас или раньше съедите. Расплатитесь перед выездом.

Я конечно согласился.

– Вот карта основных троп, – объяснил Тони, подавая мне листок, – здесь, маршруты к водопадам и горным вершинам. Постарайтесь не сходить с тропы – легко заблудиться. Если понадобится помощь, приходите, всегда будем рады. Пожалуй, дам вам дополнительную копию, вдруг эта потреплется, – с такими словами Тони вручил мне еще один лист.

Получив схемы, ключи и добрые напутствия, я поблагодарил Тони и отправился искать «Hill House».

Администрация, несколько бунгало, столовая-магазин и прочие сооружения располагались вдоль шоссе за лесополосой. Неожиданное очарование этому месту придавали сосны

(один из жароустойчивых видов, разумеется) растущие вдоль желтой дороги, что вела к ботанической лаборатории. Я прошагал по этой дороге до развилки, повернул возле пруда направо, как объяснял Тони, и наверху возле леса увидел небольшой деревянный терем на сваях и стал к нему подниматься. Неужели мне сюда? Я все еще сомневался. Вот веранда, ступеньки, стеклянные двери… Ключ охотно вошел в замочную скважину, я дернул за ручку, и дверь передо мной гостеприимно распахнулась. Я торжествовал: на всю неделю этот дом станет моим! Буду жить возле самого знаменитого леса! Для меня, бродячего фотографа, целый дом – изысканная роскошь, причем за небольшую плату. Гостиная с креслами и журнальным столиком, столовая, кухня, туалет и душ, – я ходил по дому, как одаренный всевышним, – две комнаты, одна из них моя, другая – заперта, и я мысленно пожелал, чтобы в нее никого в течение недели не поселили. В комнатах пахло сухим деревом. На окнах, занавешенных зеленой парчой, вставлены дополнительные рамы с противомоскитной сеткой, а за стеклянной дверью был выход на задний двор. В холодильнике, кроме трупика замерзшего муравья ничего больше не оказалось. Я вошел в свою комнату, раздвинул шторы, развеяв зеленоватый полумрак, и осмотрел широкую кровать, зеркало с тумбочкой и вентилятор на стойке с мой рост. Я щелкнул кнопкой, и он погнал воздух, вращаясь из стороны в сторону. Электричество здесь подавалось круглые сутки, так что мой Ники голодным не останется. Буду кормить его досыта перед каждым походом в лес.

Сбросив рюкзак, я вышел на веранду и с удовольствием окинул взглядом окрестности: домики, дорожка с фонарями, пруд, украшенный сиреневыми лотосами. Здесь можно было жить сколько угодно. А потом, не удержавшись от соблазна, я решил прогуляться в лес для первого знакомства.

Тропа начиналась за «Домом на холме» – так я стал его называть, и, сгорая от любопытства, поспешил по ней в чащу, поскольку до вечера оставалось еще много времени.

И вновь я погрузился в тенистые чертоги леса. Рыжая тропа повела меня круто вверх, словно желала сразу испытать меня на выносливость. По ушам ударил неистовый звон тысяч цикад. Кругом возносились стволы деревьев разного обхвата в зависимости от возраста. Земля под ними покрыта слоями бурой листвы. Самые старые деревья опирались на широкие досковидные корни, расползающиеся по земле, как волны. Через них приходилось перелезать. А тропа манила меня все глубже в чащу, открывая мне лесные диковины, и невозможно было повернуть назад. Поначалу я чувствовал растерянность: обилие разных растений, необычные пейзажи, краски, тени… – все переполняло меня, и нужно было время, чтобы пережить их, усвоить. Тут и там встречались невысокие пальмы-ликуалы с листьями, напоминающими зеленые японские зонтики от солнца. К стенам сырых скал лепились мхи, пестрые кустики бегоний и орхидеи, заманивающие взгляд своими причудливыми цветами. Среди деревьев попадались ошеломляющие воображение грибы: розовые чашечки на тонкой ножке, потом микропорумы, похожие на волнистые уши лесных духов, и вдруг обычные, на первый взгляд, грибы, но синие, как вечернее небо, а на гнилой деревяшке под кустом столпились маленькие светящиеся в темноте призрачные поганки. Это был живой калейдоскоп лесных красок, пряных запахов и необычных звуков. Восхищенный праздником флоры, благоуханием цветов, величием старых деревьев, я делал снимки всего, что цвело и причудливо зеленело. Таково было первое впечатление. И я остался доволен, мечтая о том, как с завтрашнего дня стану посещать эти полные тайн лесные дебри.

Ужинал я в местной столовой. Маленький магазинчик с кухней и к ней пристройка: под навесом три ряда столов и стулья. Хозяйка Розина – маленькая смуглая женщина с коротко стриженными курчавыми волосами – стряпала на кухне, ее племянница Джамаянта лет тринадцати делала уроки за столом возле окна, маленький пятилетний сын Бенни играл с котенком. Котов и кошек здесь было семь: разноцветные, гладкошерстные, с большими глазами. Эти хищницы расселись вокруг моего стола в ожидании, когда передо мной поставят тарелки риса

с курятиной, салат из свежих овощей и стакан чая. И вот ужин на столе. Кошки стали подбираться ко мне поближе. Они принялись гипнотизировать меня просящим взглядом. Пришлось Бенни отвлечься от своих занятий и разогнать попрошаек.

После ужина я вернулся домой, устроился в кресле на веранде и допоздна просматривал сделанные за день снимки, а потом взял тетрадку и принялся записывать все то, что невозможно показать на снимках. В голове тотчас начали воскресать события дня. Они как под диктовку легко ложились на бумагу. И проработал я допоздна.

На реке Лиам один за другим на некотором удалении друг от друга шумят, низвергаясь, три водопада. Первый и второй – невысокие, прыгают со скалистой плиты, как с гигантской ступени. Широкий поток хрусталем разбивается, с шумом орошая туманом брызг окружающую растительность. Затем речной поток глянцевой скатертью скользит по бурым плитам среди леса. Вода отполировала поверхность камня так, что в нем можно увидеть свое отражение. Но вброд перейти этот поток нелегко – скользко. По берегам на камнях разрослись странные на вид папоротники – диптерисы Лобба. У них необычный вид: длинный стебель увенчан длинным пальчатым листом. Высотой этот папоротник мне по колено. Заросли диптериса придают местности необычный колорит. Кажется, что от них рябит в глазах, но в пейзаже это создает особенную атмосферу первозданного бытия. Прежде мне не приходилось видеть диптерисы. Я был впечатлен доисторической картиной и в тайной мечте ожидал появления среди папоротников какого-нибудь маленького динозавра: вот сейчас он высунется и устремит на меня свой пронзительный взгляд.

Еще один водопад – Латак – низвергается с высоты 25 метров. Латак, словно царский шлейф, переливаясь радугой в солнечном свете, с шумом падает в широкий пруд, окруженный песчаным пляжем. Побродив в этом популярном у туристов, но в тот раз безлюдном, районе с беседками, туалетами, бунгало для отдыха, я ничего редкого, кроме плодоносящей алоказии, не нашел. Алоказия с копьевидными, плотными, будто из пластмассы, листами росла возле реки. И я сделал несколько снимков ее оранжевых ягод, облепивших стебель похожий на початок.

Справляясь по карте Тони, я повернул на тропу, которая, спустя полтора часа, привела меня к водопаду Нибонг. Где-то наверху лесная речушка вдруг достигает обрыва и длинными струями падает в пруд под скалой. Некоторое время я глядел на падение воды, как зачарованный. Водопад окружен заросшими растительностью стенами скал – так он надежно спрятан в глубине леса от посторонних глаз. Из пруда вытекал тонкий кривой ручеек. Я разделся и погрузился в чистую бирюзовую воду пруда. В нем приятно поплавать и отдохнуть от дневной жары, а потом, фыркая и прикрывая лицо ладонями, я стоял под струями водопада, как под мощным душем. Пока движешься по лесу со всеми подъемами и спусками, двадцать потов сойдет, а тут, под водопадом, вновь чувствуешь себя посвежевшим: упругие струи смывают усталость.

Лесная тропа долго поднимала меня на холм и, перевалив через него, спустила к еще одному водопаду – Панту. Он похож на Нибонг, только крупнее, а из пруда вытекает небольшая речушка. Извиваясь среди валунов и стволов упавших деревьев, она терялась из виду в темной чаще. На ее берегах росли древовидные папоротники с пышной кроной, что также придавало этим таинственным местам первобытный облик.

На обратном пути к дому мне вновь пришлось переваливать через холм. Всюду под деревьями простиралось мягкое покрывало из толстого слоя палой листвы, что создавало поэтически осеннее настроение. Здесь мне попадались плоды великанов диптерокарпусов. Эти деревья сбрасывают замечательные семена величиной с грецкий орех и похожие на волан с двумя, тремя или большим числом длинных изогнутых винтом крылышек. Я подбирал эти семена, подбрасывал повыше и наблюдал их вертолетом вращающееся падение.

Растут в этих местах крошечные пальмы-игануры высотой всего с мою ладонь. Их блестящие перистые листья торчат из лесной подстилки пучком. Игуанура так мала, что ее можно принять за новорожденную, если бы не гроздь красноватых плодов, свисающая из-под листьев.

Еще одна пальма – евгессония – способна потрясти воображение. В лесном полумраке эти растения появляются неожиданно и выглядят, как длинноногие животные из фантазий художника Дали. То ли олень, то ли жираф, то ли горбатое чудище пристально на тебя смотрит из-под куста длинных ребристых листьев на голове. Эта хитрая евгессония поднимается высоко над землей на своих корнях-ходулях, стройных, как трость, так что во время ливня стремительные потоки, стекающие по склону, не причиняют ей никакого вреда.

В «Дом на холме» в тот раз я вернулся засветло. Во второй половине дня издали стали доноситься раскаты грома. Но дождя все не было. Вечером, когда стемнело, я вышел на веранду и наблюдал, как в черном небе переливаются зарницы. Я глядел на всполохи, слушал хор древесных лягушек, дожидающихся хорошего ливня, и думал, чем заняться, если завтра пойдет сильный дождь.

Перед сном, выпив чаю с печеньем, я читал журналы на кухне, где свет был ярче. Несколько старых выпусков «Borneo Talk» я нашел на столике в гостиной. Вокруг меня крутились мелкие полосатые комары, пробравшиеся в дом, наверное, через щели в оконных рамах. Мне приходилось с хлопком делать из них гербарий то на руке, то на шее, то на ноге. Трупик я клал на пути промышляющих всюду мелких рыжих муравьев. Обнаружив угощение, муравей сначала ощупывал его трепетными антеннами, затем хватал челюстями и, подняв над головой повыше, уносил в свои закрома, виляя под тяжестью ноши, как пьяный.

Когда я выключал в доме свет, то наступала кромешная темнота, и до кровати мне приходилось добираться вслепую, шаря рукой по стене. Мой прожорливый фонарь быстро вытянул энергию из батарейки, а новые купить было негде, поэтому пришлось научиться обходиться без света. В такой темноте и комар заблудится. Впрочем, в моей комнате этих кровопийц уже не было: все слетелись на кухонный свет, пока я там читал. И вот лежишь окутанный плотной тьмой и слушаешь блуждающий где-то у окна сердитый звон комара, перекличку гекконов из гостиной и прекрасную ночную музыку сверчков, лягушек и еще каких-то невидимых существ из леса.

На другой день я решил отправиться к водопаду Диндин, что в пяти километрах от дома. Вставать пришлось в половине шестого. Путь предстоял долгий.

Выдался ясный день – даже в лесу было жарче обычного. Хуже всего – на открытых солнечному жару полянах. Здесь ощущаешь себя, как под распахнутой дверцей небесной печи – рискуешь сгореть дотла. Открытые участки рук вскоре покраснели. А мокрую от пота рубашку хоть выжимай. Но в лесной тени, где гуляет слабый ветерок, быстро приходишь в себя. Поход вверх-вниз по склонам гор, вброд через ручьи, по заросшим долинам и каменистым руслам рек оказался довольно утомительным. Спускаясь с очередной кручи, я чувствовал, как от перепада высот закладывает уши. Но чем дальше я углублялся в лес, тем больше животных встречал на своем пути.

Со ствола на ствол перелетали драконы. У них большая округлая голова, вытянутое тельце и длинный хвост. Эти маленькие ящерицы близко к себе не подпускают: срываются с места, расправляют веером свои ребристые оранжевые складки по бокам и планируют на ствол соседнего дерева. Фотографировать этих юрких существ нелегко, но мне удалось обзавестись их неплохими портретами.

Кое-где на коре деревьев попадались на глаза шкурки крупных цикад. Ночью, после нескольких лет подземной жизни, цикады выбираются на воздух, покидают свою личиночную оболочку и, дождавшись, когда подсохнут крылья, поднимаются высоко на ветви своего дерева, чтобы присоединиться к звенящей компании сородичей. Их янтарного цвета шкурка, будто глазастый скафандр инопланетян, остается висеть на коре, пока его не смоет ливнем.

У ручья ко мне прицепились две пиявки. Я чуть из штанов не выпрыгнул, торопясь этих червей оторвать, пока они не залили меня кровью. Вовремя их заметил, сорвал одну за другой и отбросил подальше.

Потом я нечаянно вспугнул маленького оленя, который, видимо, хотел утолить жажду. Заметив меня, олень умчал вверх по склону, остановился и принялся громко кричать, предупреждая лес о появлении человека. Его крик походил на лай довольно крупной собаки.

На деревьях, так высоко, что не видно, устроили концерт гиббоны. Они завывали на всю округу. Сколько ни рыскал я взглядом по кронам, этих певучих обезьян рассмотреть не сумел, только шорох ветвей выдавал их ловкие прыжки.

Упавшие деревья представляют довольно богатый и неожиданный ассортимент орхидей, которые обычно растут высоко и надежно скрыты от глаз путешественника. Но эти растения нисколько не беспокоятся, что их добрый хозяин рухнул и погиб, они еще долго будут расти, цвести, давать семена на его коре. Обычно орхидеи цепко обхватывают ветвь, сук или ствол дерева похожими на червей корнями. В Ламбире много редких орхидей, среди которых еще встречаются ранее неизвестные виды. За два последних года ботаники открыли на Борнео 37 новых орхидей.

Шел я медленно, присматриваясь ко всему, что привлекало внимание. Солнце катилось уже где-то над головой. Жаркие лучи все увереннее заглядывали в чащу. Стоит лишь сойти с тропы, немного пройтись вдоль ручья и обязательно увидишь что-нибудь любопытное. Вот зеленая с золотистыми пятнами древесная лягушка на листе дикого имбиря. В небольшом дупле притаился на день огромный волосатый паук. А то вдруг выскочит из-под ног крупный сцинк и, сверкая бронзой своих чешуй, исчезнет в палой листве. Я делал множество снимков, пока Никон не стал сигналить, что скоро закончится заряд батареи. Пришлось экономить, чтобы хоть немного поснимать у водопада.

Диндин – высокий, стройный и очень шумный водопад. Со своего обрыва он стремглав ныряет в небольшой пруд. А вокруг белый, словно коралловый, пляж. Я живо стянул с себя мокрую одежду и бросился в воду. Смыв жар, пот и усталость, я почувствовал себя гораздо легче. Некоторое время я делал снимки этого живописного местечка, пока мой Никон не выдохся окончательно. Теперь можно двигать обратно к дому.

В тот день, когда я появился в столовой, кошки спали вповалку. Жара сморила их. Но стоило моему заказу появиться на столе, кошки ожили и потянулись ко мне за угощением. Сладко потягиваясь, выгибаясь дугой и выставляя вперед когтистые лапы, они зевали, прогоняя остатки дремоты, и окружали меня. Одна белая с кремовыми пятнами красавица грациозно вспрыгнула на мой стол. Она скромно села на краю и впилась в мою тарелку с кусочками курицы взглядом снайпера. Другие на такой подвиг не решились, рассевшись вокруг меня, они стали по очереди клянчить угощение протяжным мяуканьем. Когда стало понятно, что взывать к моему благоразумию бесполезно, старший кот, хранивший до сих пор важность, встал передними лапами на мои колени и выпустил когти. Острые, будто иголки, они впились в мою кожу. Я дернулся и оттолкнул от себя наглеца. В этот момент моего замешательства, сидевшая на столе кошечка, ловко свистнула из моей тарелки цыплячье крылышко. Увидав такое безобразие в кухонное окно, хозяйка Розина вышла ко мне и с криком разогнала хвостатых попрошаек.

– Вы с ними построже, – сказала Розина, – а то обворуют.

Теперь я мог спокойно доедать свой ужин, запивая апельсиновым соком.

Розина, ее муж и старший сын Азам служили в лесничестве. Они родом из племени ибанов и жили в деревне в нескольких километрах отсюда. Азам работал младшим лаборантом при американо-японской ботанической экспедиции, которая изучала деревья и разыскивала растения, которые могли бы помочь в профилактике и лечении рака. Я почти не видел Азама – слишком он занят. Поэтому мне больше приходилось общаться с хозяйкой.

– Вы часто бываете у водопадов? – спросил я Розину.

– Давно не была, – махнула она рукой в ответ. – Лет пятнадцать не была. Много работы.

В ту ночь гроза добралась до Ламбира. Меня разбудил сильный дождь, грохотавший по жестяной крыше. Время от времени по небу прокатывался гулкий гром, будто кто-то переносил большой стальной лист с места на место и одновременно с треском хлестал воздух бичом. Лес дрожал и шумел от обрушивающихся на него потоков с неба. Водопады, как я потом узнал, умножили свою мощь, реки вздулись и забурлили, а со склонов гор прошли грязные потоки. Ливень прекратился рано утром. Тучи расползлись, а когда рассвело, вновь стало жарить солнце. От влажной земли потянулся пар.

Утром я поднялся позже обыкновенного – в половине восьмого, и чувствовал себя разбитым: вчерашний поход забрал столько сил, что даже за ночь я едва их восстановил, лишь ноги все еще были тяжелы. А ведь на этот раз я намеревался отправиться на вершину горы Панту. В зеркале душевой я заметил, что моя худоба проявилась отчетливей. И это было заметно не только перед зеркалом, но и по дополнительной дырочке в ремне, которую я проделал гвоздем, и по складкам футболки, которая свисала с моих плеч, как с вешалки. На этот раз из-за ливня забился водозаборник, и до полудня в доме не было воды, а потом, после его очистки, она пошла ржавая. После завтрака с омлетом и чаем в компании кошек, я почувствовал себя легче. По убеждению Тони, восхождение не так сложно, чтобы от него отказаться, и я решил идти.

В путь я отправился вначале девятого. Каких-либо серьезных последствий от прошедшего ливня я не заметил, разве что тропа выглядела так, словно ее подмели. Это дождь смыл жухлые листья. В нескольких местах тропу перегородили свалившиеся сверху ветки и сучья. Земля была сырая. Ноги скользили по ней. Теперь на тропе устроили засаду пиявки. Они ждали, приподнявшись, как перископы, вращались по сторонам, прицеливались и ловко цеплялись к ботинкам. Мне приходилось часто останавливаться, осматриваться и сдирать с себя очередную кровопийцу.

Стоило пройти дождю, как повылезали новые грибы, ранее мной не виданные. Возле тропы я заметил странный гриб-веселку – длинный, как поднятый к небу толстый перст, в роскошной сетчатой мантии розоватого цвета. Сверху на нем сидел бурый сморщенный тюрбан с дырочкой на макушке, над которой крутились грибные мошки, привлеченные неприятным гнилостным запахом.

Среди драконов тоже было оживление. Они сидели на стволах, кивали друг другу и сигналили, выставляя свое синее горло, будто вымпел. Так самцы охраняли свою территорию от соперников, искали подругу и заводили с ней любовную беготню. Они ловко ползали по стволам в догонялки, перелетали с места на место, пока изнывающему от любви самцу не удавалось поймать ловкую подругу.

В полумраке среди кустов голубыми огоньками мелькали небольшие бабочки. За их полетом было трудно уследить: летают они зигзагом, обманывая взгляд постороннего, что надежно спасает их от врагов.

Утомленный влажной жарой я все еще цеплялся за желание добраться до вершины, хотя до нее было далеко. Она манила меня. По мере подъема по склону горы, менялся и облик леса. Стены скал мокрые от воды, сочащейся из каких-то глубин, служили пристанищем маленьких папоротников, орхидей, бегоний. Пестрые, яркие, переливающиеся листья бегоний в случайно упавших на них солнечных лучах выглядели особенно красочно, о некоторых из них я не имел прежде никакого представления. Тут и там слышалась звонкая капель. Деревья росли невысокие с жиденькой кроной, и вокруг было светлее. Где-то наверху гудели земляные осы. Под следующей скалой я нашел заросли папоротника похожего на тот вид, что растет на берегу реки Лиам, только ваи у этого шире и напоминали лосиные рога. Это диптерис двойчатолистный – он обильно рос в мезозойскую эру, а в наше время вымирает. Здесь, в Ламбире, одно из его

последних убежищ. Мой Никон добросовестно запечатлел в своей памяти образы исчезающего диптериса.

Дальше нужно было карабкаться по скальным выступам. И это была самая трудная часть пути. Каково это разбиться в таком чудесном месте? – раздумывал я. – Затеряться навечно в недоступном ущелье, где останки никогда не найдут. Хватаясь руками за корни, ступая на скользкий камень, я поднимался все выше и выше. Медленно вскарабкался я на тропу и уверенно зашагал над обрывом. А впереди среди зарослей уже показался просвет – значит, добрался я наконец до вершины.

Теперь я очутился на небольшой расчищенной площадке с беседкой, вокруг пропасть, а подо мной, до горизонта, широко раскинулся полог лесов. Леса, всюду простирались леса! Леса покрывали холмы всеми оттенками зеленого и под своим пологом утаивали места дикие, неизученные, полные таинственного очарования. Я долго стоял над обрывом, осматривая этот мир, и видел его таким, каким его тысячи лет знают птицы с высоты своего полета. И чувствовал себя ничтожной крупинкой на горбе первозданного мира. Теплый ветерок навевал покой и тихо шумел над головой в сосновых ветвях. Облака прикрывали солнце, потому оно не пекло в полную силу и не слепило беспощадно, а то мне пришлось бы спасаться от его жара в беседке. С другой стороны среди зарослей виднелась вершина горы Ламбир. Она тоже была покрыта растительностью. Над ней толпились пухлые облака. Отсюда не хотелось уходить, но я знал, что должен успеть вернуться в «Дом на холме» до вечера, чтобы не застрять среди скал в темноте.

На этот раз в столовой меня встретил Азам – паренек семнадцати лет с вьющимися черными волосами, заметно выдающимися скулами и большими глазами. Он объяснил, что мать уехала в город за продуктами и вернется нескоро. Тогда я сказал, что выпью чаю, а пообедаю позже.

– Но я могу собрать тебе обед, – предложил он. – Сегодня в лаборатории у меня выходной.

– Ты умеешь готовить? – спросил я недоверчиво.

– Еще не приходилось, – ответил он скромно. – Но думаю, справлюсь.

– Хорошо, – согласился я.

Тогда Азам удалился в кухню, а я устроился за столом с газетой и в окружении кошек стал ждать.

Справляясь по телефону у матери, Азам, следуя ее указаниям, сварил рис, потушил овощи и пожарил рыбу. На удивление стряпня не заняла у него много времени. Обед получился вкусным. Правда, рис можно было бы подержать на плите подольше, но об этом я умолчал. За чаем с печением мы вновь разговорились.

– А ты как участник экспедиции, наверное, неплохо разбираешься в растениях, – проговорил я, направляя наш разговор в нужную мне сторону.

Азам утвердительно кивнул.

– И можешь показать мне в лесу лекарственные травы, которые вы исследуете? – продолжал я.

– Старики из нашей деревни их собирают, – неохотно проговорил он и тут же перевел разговор: – А возле нашего дома лимонная трава растет. Ароматная.

Сомнительная дружба

К «Дому на холме» поднималась бетонированная дорожка с высокими фонарями. Внизу справа, на лесной опушке, серебрился небольшой пруд, его поверхность была украшена широкими листьями и цветами лотоса, а на берегу стояла круглая беседка. Возле дома под жгучим солнцем зеленела маленькая лужайка, поросшая низенькой жесткой травой. Поскольку дом был приподнят на сваях, то когда обрушивался ливень, потоки из леса не могли причинить ему какой-нибудь вред. Дождь хлестал по крыше, вода скатывалась по желобам, стекала по водосточным трубам в канавки, по которым устремлялась в пруд.

Каждое утро я поднимался ни свет ни заря, завтракал, натягивал на плечи рюкзак и ступал на тропу. Мигом я погружался в пленительный, красочный и таинственный мир леса. Тропа то поднимала меня круто вверх, то вдруг уводила вниз, то рискованно ползла по краю обрыва, где можно по неосторожности сорваться в пропасть. И я, изнемогая от жары, купаясь в собственном поту и часто прикладываясь к бутылке с водой, устало следовал через изобилующие жизнью кущи.

В один из тех дней на склоне горы Панту я обнаружил хищное растение, всем известное как непентес, которое обычно продается в наших цветочных магазинах. Но вместо кувшинчиков листья этих зеленых хищников заканчивались длинным усом, которым они цеплялись за ветки кустов, чтобы удержаться на каменистой круче. После тщательных поисков, я обнаружил несколько непентесов, которые в надежде поймать насекомое, развесили свои изящные ловушки, похожие на высокие турецкие амфоры.

Вспоминаю, как в классе пятом учитель биологии рассказывал нам о хищных растениях, которые встречаются в джунглях и питаются насекомыми, и тут же наше детское воображение увеличивало ловушки этих существ до немыслимых размеров, так, что они становились опасными для человека. Это разжигало еще большее любопытство к тропической природе, и мы представляли себя великими путешественниками, преодолевающими опасности в джунглях.

Странное название этих растений происходит от имени мифической травы забвения «Непенфа». И в самом деле, от выпитой из такого кувшина воды можно лишиться чувств. Ведь в нем скапливаются останки насекомых, трупики мелких зверьков и птичий помет. Такой вот рацион у растения, которому не хватает полезных веществ из скудной почвы. Кроме всего прочего меня интересовало, не переполняются ли кувшинчики во время дождя. И вот однажды я смог это проверить. Сильный дождь бил по плотным листьям непентеса, плясал по крышечке над кувшином, которая защищала его от наполнения, но иногда вода все-таки проникала внутрь и разбавляла пищеварительный сок. Значит, крышечка не служит растению надежным зонтом. Однако непентес от этого ничуть не страдал: лишняя вода потом куда-то испарилась.

Каждый день во время своих дальних походов я замечал что-нибудь новое и делал множество снимков, но однажды кое-что занятное мне пришлось наблюдать возле «Дома на холме».

На лужайке напротив моей веранды рос маленький куст, на котором густо развесил свои плети непентес. Это растение отличалось крупными розовобокими кувшинчиками, округлыми, как печной горшок для каши, но с тонкими, будто из фаянса, стенками. Сверху кувшины прикрывала похожая на лист крышка. А горлышко имело глянцевые края. Газонокосильщик осторожно обходил это место, тщательно выстригая траву вокруг непентеса, и хищник чувствовал себя здесь привольно и сытно.

В тот раз, делая снимки непентеса, я коснулся его кувшинчика, и вдруг навстречу моим пальцам откуда-то из-за листьев выскочили большие рыжие муравьи, вооруженные крепкими челюстями. Я одернул руку, почувствовав жжение от укуса, точно от горящей спички. Муравьи

забегали по кувшину в поисках нарушителя спокойствия, но, не найдя ничего подозрительного, удалились. Тогда я взялся за другой кувшин, и вновь вооруженная толпа охранников выдвинулась к моей руке. Это были очень грозные муравьи: всякий раз, едва только я касался их растения, они выбегали из укрытия, словно сторожевые псы, и метались по сторонам, угрожая мне своими острыми челюстями. Непентис явно был ими доволен. Вид его пузатых кувшинов был таким, точно они во весь рот благодушно посмеивались над моими тщетными стараниями. Этакие сытые, круглобрюхие, довольные жизнью генералы, командующие отважным войском.

Почему муравьи с такой решимостью защищают непентес, я выяснил сразу. Этот зеленый хищник по краям крышечки выделяет капли нектара, который очень муравьям нравится. На первый взгляд это походило на крепкую дружбу насекомого и растения. Но вскоре я в этом разубедился. К своему недоумению я увидел, как муравей, добравшийся до сладкого угощения, выпил заветную капельку и, торопливо перебирая длинными лапками, поспешил прочь. Как вдруг он поскользнулся на гладком краю кувшина и пропал в его брюхе. Долго барахтался несчастный муравей в утробе хищника, не в силах выбраться на свободу по скользким стенкам. В конце концов, растение переварит его. Так непентес с холодной невозмутимостью регулярно получает жертву из многочисленной гвардии своих маленьких стражников.

Кубах

На Борнео мой Никон очень быстро стал неотъемлемой частью моей сущности. От ежедневных съемок мои глаза привыкли видеть мир через объектив и постоянно рыскали в поисках натуры. А разыгравшийся аппетит Ники вынуждал всякий раз искать для него розетку. Эндемичные растения стали героями моих снов. Рюкзак забит купленными на базаре пакетиками сухих трав, листьев и всяких благотворных опилок для чая. Но желание снимать лесные редкости снова влекло меня в дорогу.

В один из тех дней, взяв на прокат машину, я отправился в Национальный парк Кубах, что в двадцати двух километрах к западу от Кучинга. Покрытая лесом гора Серапи возвышается посреди парка на 911 метров и хорошо видна с набережной реки Саравак в городе. Она настойчиво ловила мой взгляд всякий раз, когда я снимал реку, лодки, цветущие растения на городских газонах. Я уже сделал несколько портретов горбатой Серапи и теперь решил ее посетить.

Накормив Ники досыта, я был уверен, что день в Кубахе проведу с полным успехом. Но в пути по стеклу машины вдруг поползли серебристые змейки – пошел дождь. Небо затянуло беспросветной мглой, вскоре дождь превратился в ливень, и когда я прибыл в парк, с неба все еще хлестала вода. Пришлось мне около часа прождать в беседке возле администрации за чтением информационных стендов. Лес вокруг молчал, слушая тарабарщину дождя: ни свиста птицы, ни вопля обезьяны, ни звона цикады – никакого обнадеживающего звука. Время утекало вместе с ручьями, но дождь, едва стихнув, вдруг снова начинал поливать с новой силой. Наконец, терпение мое лопнуло, я натянул на себя полиэтиленовый плащ и зашагал по дороге на вершину горы. Там, возле телевизионных вышек, находилась смотровая площадка для туристов. Во всяком случае, в сырые джунгли пока можно не забираться, все равно под проливным дождем лишний раз фотоаппарат не достанешь.

Широкая бетонная дорога вела на гору. Вскоре я оказался в густом тумане, и кроме стены деревьев по обе стороны ничего больше не видел. В плаще я быстро сопрел и чувствовал себя, как селедка, законсервированная в собственном соку. Пришлось из плаща вынырнуть, сложить его и убрать в рюкзак. Лучше бы я совсем его не надевал. Дождь начал стихать только к полудню. К этому времени я уже был недалеко от вершины. Тут налетел ветерок и стал разгонять туман, открывая мне окрестности для обзора. Ведь я до сих пор не сделал ни одного снимка. И вот послышалось пение птиц. Дождь прекратился совсем. В прорехи среди серых клочьев тумана стало выглядывать солнце. И в лесу посветлело. Наконец опомнились цикады и начали пробовать свой голос, чтобы хорошенько распеться – с деревьев послышался их невразумительный скрип. Спустя некоторое время, небо расчистилось, солнце залило гору, и воздух сделался горячим. Теперь цикады завелись в полную силу. Их звон, стоны, рев обрушились на мой слух. И в этом сонме голосов я отчетливо слышал что-то древнее, торжественное, дикое.

Я взялся фотографировать блеск листьев после дождя, ажурные кроны древовидных папоротников, маленькую жабу, прогуливающуюся на обочине дороги. И тут я вспомнил, что недавно зоологи в этом лесу открыли новый вид лягушки величиной с подсолнечное семечко и назвали ее Microhyla nepenthicola. Живут эти крошечные лягушки в кувшинах непентесов. Они даже икринки там откладывают. А непентесы почему-то считают этих лягушек несъедобными.

Наконец я достиг вершины Серапи. Отсюда открылись покрытые лесом горы, утопающие в белых облаках, словно в парном молоке, а с другой стороны, на равнине, через прорехи облаков виднелись поселки, серебряные петли рек, море. Тут были скамейки, так что я вначале подкрепился бутербродами, а потом взобрался на деревянную смотровую вышку и занялся съемкой пейзажа.

На горе я провел около часа, а спустившись, повернул с дороги налево и двинулся по узенькой тропе, резко уводившей вниз среди густого леса. Было еще сыро. Днем небо совсем уже расчистилось. Высоко в кронах гулял ветерок. Судя по схеме, выданной мне в администрации заповедника, тропа должна была привести меня к водопаду. На ней же значилась памятка: «Остерегайтесь сильного ветра». Это значило, что в лесу может свалиться на голову какой-нибудь сук. Когда внезапный порыв ветра сносит тяжелые кусты эпифитных растений и ломает подгнившие сучья, тогда и в самом деле можно получить по голове тяжелым кустом какой-нибудь орхидеи. И непонятно, откуда возникает этот штормовой ветер; он врывается в лес, качает кроны деревьев и, отшумев, уносится прочь.

На стволе высокого диптерокарпуса в метре от земли я увидел странную восковую трубку. Возле отверстия ее крутились маленькие пчелы с мохнатыми лапками. Одни вылетали из нее, другие проникали внутрь, ползли в гнездо, которое скрывалось глубоко в расщелине.

Следующей замечательной находкой были большие почти пятнадцать сантиметров в размахе крыла семена лианы альсомитры, похожие на крылоплан в миниатюре. Я с удовольствием проследил за тем, как такое семя парит среди деревьев, опускаясь все ниже над моей тропой. Тогда я поднес к нему руку, и оно плавно опустилось на ладонь. Я дунул на него, и воздушный странник продолжил свой путь к земле. Семена-планеристы опускались откуда-то сверху, да так уверенно, точно каждое понимало, куда и зачем садится. Их полет напоминает парение какой-нибудь бабочки. Медленно, делая широкие круги, семя летит, чуть помахивая отливающими перламутром крыльями. Они разлетаются по лесу, используя восходящие потоки теплого воздуха. В конце концов, их планирующий полет заканчивался на земле, на которую они так мягко садятся. Но не все семена бывают столь удачливы при посадке: какое-нибудь, ударившись о ствол или ветку, падает, словно потерпевший крушение аэронавт. Саму лиану нигде не было видно. Сколько я ни вглядывался в кроны – не мог отыскать ее плодов среди густого сплетения ветвей деревьев. Позже, из справочника, я вычитал, что лиана эта плодоносит высоко в кронах. Когда ее круглые, как волейбольный мяч, бурые плоды созревают, то снизу открывается крышка, давая свободу на вылет многочисленным семенам. Они выпархивают, как стайки мотыльков из гнезда. Закончив, так или иначе, свой полет, семя ложится на землю и ждет подходящего случая выпустить корешок, чтобы хорошенько закрепиться.

Продвигаясь к водопаду, я прислушивался к лесным голосам. Среди птиц, распевавших надо мной, самой талантливой была синичья славка. Я слышал ее и раньше в других лесах на Борнео, но каждый раз замысловатая мелодия славкиной песни меня зачаровывала. Тема ее повторялась, но с каждым повтором она становилась длиннее и сложнее. Исполнив песню целиком, славка, сделав паузу, принималась разрабатывать тему заново. Снова и снова. До чего же радостно звучало ее пение в темной глуши! Удивительно, как эта маленькая птица, с рождения усвоив мелодию от родителей, теперь исполняет ее так красочно. Пение невидимой славки притягивало все мое внимание. Уверен, любой пернатый соперник уступал ей место на дереве не в силах ее перепеть. Я же проникся к талантливой славке уважением, она удивит всякого, кто придет в ее лес.

Спустя некоторое время, послышался шум падающей воды. Порожистая река заблестела впереди среди деревьев. У каменистого берега тропа повернула влево и повела меня выше вдоль бурливого потока. Вскоре я оказался перед гремящим широким водопадом. Он низвергался с кручи, и воды его стремительно неслись среди камней куда-то в глубину леса.

У реки гигантскими снопами торчали заросли бамбука. Толстые зеленоватые стебли возносились к небу и там распахивались широкой перистой кроной. У даяков бамбук весьма популярен: из его прочных стеблей строят жилье, мосты, лодки, мастерят музыкальные инструменты вроде флейты, ксилофона и свирели, делают духовые трубки для охоты и запекают в них курицу.

В тот день Никон отработал неплохо, словно бы взял реванш за упущенное из-за дождя утро. Тропа увлекала меня все дальше. Я делал снимки и так увлекся, что позабыл о времени. В горном лесу темнота наступает раньше. И вот солнце приняло бледно-розовый вид, будто бы истощило свою энергию, а потом и вовсе скрылось за высоким склоном. Лес погрузился в тень. Я заторопился к шоссе.

Стиль Борнео

С тех пор, как я познакомился с Рамзаем Онгом, то всякий раз, по возвращении в Кучинг, заходил к нему повидаться. Ему было за шестьдесят. Невысокий, полноватый, с коротко стриженными черными волосами. Он принимал меня радушно. Его художественная галерея на улице Мэйн Базар возле Туа Пек Конг – китайского храма XIX века – привлекала меня картинами местных художников, разговорами об искусстве и возможностью узнать последние новости из творческой жизни города. Галерея располагалась в двухэтажном доме среди других прижатых друг к другу домов, у которых было всегда многолюдно, потому что первые этажи занимали сувенирные магазины и туристические агентства.

Но галерея в этой компании была особенной. Я входил за стеклянные двери и попадал в прохладный зал со стеллажами, на которых аккуратно расставлены открытки, поделки из бисера, деревянные фигурки птиц и лесных духов, по стенам развешаны картины, а в глубине стоял массивный рабочий стол, позади которого, возле сонно журчащего маленького фонтана, вела на второй этаж лестница. Там, наверху, висели красочные покрывала с национальным зигзагообразным орнаментом, батик и снова картины.

В первый раз я зашел в галерею привлеченный живописными работами. Рамзай провел меня по выставке, но поскольку покупать дорогие картины я был не в состоянии, то художник предложил мне репродукции размером с обычную почтовую открытку. Они сразу мне понравились, и я купил несколько штук. После этого Рамзай вернулся за свой письменный стол, я сел напротив, и мы разговорились о пейзажах Борнео.

– Мне довелось побывать в окрестностях Мири, – с достоинством сообщил я.

– Понравилось? – спросил он, поглядывая на меня добродушно.

– Да, особенно в Мулу. Замечательный горный район в Сердце Борнео, – вдохновенно ответил я. – Вот только дорога туда не из простых.

– Самолетом?

– Ночным автобусом до Мири, потом самолетом.

– Автобусом ехать долго, – согласился Рамзай.

– Я пытаюсь экономить, – объяснил я, на мгновение задумался и продолжил: – В салоне было очень холодно. Во время стоянок мне приходилось выходить на улицу, чтобы погреться. Почему они не выключают кондиционер хотя бы на ночь?

– Тогда будет душно, – ответил Рамзай.

Я не поверил этому. Во всяком случае, при своей худобе я прекрасно акклиматизировался – жара меня не угнетала. А холод в салоне был такой, что окна запотевали снаружи, и ничего не было видно. Теплый свитер оказался кстати. Без него было бы худо. А утром я пересел на солнечную сторону, но лучи едва согревали мое дрожащее, покрытое мурашками тело.

– Зато я проехал почти весь Саравак, в Мулу провел десять дней, затем неделю в Ламбире. Много фотографировал и нашел несколько необычных орхидей. Хорошо бы теперь узнать их наименования.

– У меня есть хороший справочник, – сказал Рамзай.

– Я бы посмотрел, если можно, – заинтересовался я.

– Сколько угодно, – Рамзай выдвинул ящик стола и достал толстую иллюстрированную энциклопедию «Орхидеи Саравака». Я с внутренним трепетом положил ее перед собой и принялся листать, рассматривая снимки этих удивительных цветов. А Рамзай тем временем, опустив на нос очки, принялся делать какой-то набросок карандашом на бумаге.

Я тщательно прошелся глазами по всей книге, переписал названия некоторых орхидей в блокнот, чтобы потом подписать свои фотографии. Но те загадочные виды, которые я искал в справочнике, отсутствовали, о чем и сообщил с сожалением.

– Может быть, это неизвестные виды? – предположил Рамзай своим мягким голосом.

– Тогда мне стоит придумать им названия для следующего издания этой энциклопедии, – сказал я.

* * *

Если Рамзай отсутствовал, то я спрашивал, когда он придет у Наронг – художницы, разделяющей с ним галерею. Когда-то она оставила родную деревню и приехала учиться живописи в Кучинг. Наронг молода, ее батик прекрасен, и мне всегда нравилось рассматривать цветы, птиц и народные мотивы племени бидаю, выполненные в полу-абстрактном стиле. Особенно хороши ее птицы-носороги, изображенные в символичной манере традиционной для местной культуры. Наронг призналась, что ей нравится писать этих птиц, потому что они воплощают в себе весь колорит родного острова и отношения между влюбленными людьми. Ее мягкая полуулыбка располагала к общению, темные волосы, зачесанные с пробором, ниспадали до плеч, на серебряной цепочке поблескивал маленький кулон.

– Если вы останетесь ждать Рамзая, я приготовлю вам чаю, – предложила Наронг, протирая руки влажной салфеткой, оставляя на ней длинные следы краски.

– Спасибо, у меня есть немного времени, – согласился я.

Пока она заваривала чай, я сидел за столом на табурете и листал свежий «Borneo Post».

– Где вы теперь остановились? – поинтересовалась Наронг, ставя предо мной чашку на блюдце.

– В «Singgahsana Lodge», – ответил я.

– Очень хорошая гостиница.

– Да, приятный персонал, отличный бар наверху с видом на реку и в душевой горячая вода.

– Там всегда весело.

– Но из моего окна открывается вид на зеленую стену соседнего дома.

Наронг поглядела на меня и улыбнулась.

– И все-таки мне придется искать гостиницу подешевле.

– Но там не будет так хорошо, как в «Синггахсане».

– Мне приходится экономить.

Потом, угощаясь крепким чаем «Саравак», мы говорили о работах Рамзая. И Наронг сожалела, что в галерее сейчас осталось всего несколько его картин, остальные разошлись по музеям и частным коллекциям Европы и Америки. Я вспомнил единственное полотно Рамзая с морскими рыбами, выставленное в экспозиции старого музейного комплекса на улице Хаджи Опенга. Впрочем, выставка там вообще была невелика. А здесь, в его галерее, я восхищался большими трехмерными картинами на холсте из волокон коры хлебного дерева – необычное изобретение. Такую ткань используют даяки для пошива одежды и плетения циновок. Когда Рамзай открыл для себя этот материал, он оставил батик и принялся создавать свои картины в новом стиле. Они получались объемными с четко обозначенной перспективой и при этом удивительно гармоничными. Мне нравились его полотна с цветами, лодками, скользящими по реке, сцены из сельской жизни под большими деревьями и женщины, чьи прически украшены перьями птиц, мочки ушей оттянуты кольцами по самые плечи, а шеи увешаны разноцветными бусами. Его птицы-носороги походили на ожившие названия этих птиц и оттого, хоть и выглядели декоративно, но были лаконичны как символы. От его работ, я чувствовал, исходила энергия полнокровной жизни Борнео. Традиции, заботы и радости острова становились намного ближе и понятнее.

На сей раз Рамзай где-то задерживался, тогда я поблагодарил Наронг за чай и, пообещав зайти позже, покинул галерею в чрезвычайном воодушевлении.

* * *

Всякий раз, едва очутившись в городе, я опять начинал мечтать о новых посещениях леса. На душе было легко, а ногам свободно в сандалиях после длительных лесных походов по тропам в тяжелых ботинках. На очередную вылазку в джунгли следует хорошенько настроиться, чтобы она стала удачной. Мне все-таки верилось, что я встречу что-нибудь необыкновенное в одном из тех уголков сокровищницы первобытной дикости, которые я посещал.

До прихода Рамзая я решил прогуляться на Индийскую улицу, где теснятся ряды магазинов, и хозяева выносят стеллажи с товаром прямо на тротуары. Мне нужно было купить фонарик взамен оброненного в одной из пещер Мулу, отчего тот разбился, и мне не удалось вернуть его к жизни. А на обратном пути успею пообедать в угловом кафе «Мадам Танг», что на улице Карпентер. Я иногда заходил туда, чтобы недорого, но сытно поесть курятину с рисом и овощами.

Выйдя из галереи, я перешел улицу и, миновав сквер с фонтаном, зашагал по променаду. Конечно, можно было сократить путь и пройти через китайский квартал с многочисленными кафе, сувенирными, аптекарскими и книжными лавками, но мне больше нравилось ходить по набережной и наблюдать, как пересекают реку длинные моторные лодки с пассажирами на скамьях вдоль бортов под двускатной кровлей из сухих пальмовых листьев или брезента. Каждой такой лодкой управляет пожилой перевозчик. Он стоит на носу своего суденышка, правя крестнакрест сложенными веслами, а рядом на полочке под навесом лежат кое-какие вещи, скромный, завернутый в фольгу, обед и бутылки с водой. Приняв на борт пассажиров, перевозчик разворачивает лодку от пристани, затем заводит мотор, дернув за трос, протянутый до кормы и соединенный там с пусковым механизмом. С приглушенным тарахтением лодка медленно устремляется к противоположному берегу. Перед прибытием перевозчик глушит двигатель и, управляя веслами, осторожно подводит лодку к причалу. Нигде больше я не видел подобных лодок, как на реке Саравак, и таких важных на вид перевозчиков.

Солнце по обыкновению пряталось за облаками. Дул теплый ветерок и раскачивал над головой перистые листья деревьев. Когда солнце выглядывало, то здорово припекало, и сверкало на речной воде, словно битый хрусталь. Тогда от жара его лучей можно было укрыться в кафе, магазине или в сквере на променаде. Вдоль набережной расставлены киоски с напитками, мороженым и пакетиками чипсов. Тут и там над перилами выставили свои удочки рыбаки, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из них вытаскивал рыбу. Наверное, надо было долго ждать.

На этот раз привычную жизнь на берегу Саравака разнообразили студенты художественной школы. Молодые люди с планшетами расположились на скамейках под деревьями, в ротонде или прямо на низеньком парапете. Они рисовали окрестности реки: противоположный берег с башней форта Маргариты, белеющей среди деревьев, лодки, променад с фонарями, пешеходами и красивыми цветами. Среди студентов прохаживался преподаватель средних лет. Он заглядывал в планшеты, давал рекомендации ученикам, объяснял, энергично жестикулируя. Лишь один студент сидел особняком на скамейке, положив ногу на ногу и, склонившись над своей работой, рисовал восковыми мелками. Что именно служило ему натурой, я не мог разглядеть, но догадывался, поскольку время от времени он обращал свой взор на форт за рекой.

Мне захотелось понаблюдать за его работой. По его склоненному над планшетом виду, по тому, как он управляется с мелками, делая широкие мазки, как невольно раскрыт его рот, а длинная челка упрямо ниспадает, так что ему приходится машинально убирать ее рукой за ухо, я понимал, что живопись поглотила его целиком. Казалось, он ничего не замечает вокруг. Наверное, если бы я подошел к нему и сел на скамейку рядом, то студент и вовсе не заметил

бы моего появления. Мне верилось, что у него хорошо выходит, и что его работа наверняка получит высокую оценку преподавателя. И тут мне захотелось ее купить. Я видел, как создается картина, видел, как трудится над ней молодой художник, видел пейзаж за рекой, который служил ему натурой. И понимал, он сумеет искренне передать свои чувства на прямоугольном куске бумаги. Тогда я решил, что дождусь окончания пленэра и уговорю художника продать мне этюд.

Я живо представил себе задуманное: «Эй, парень! Можно посмотреть?» – спрошу я. Он протянет мне свою работу. Я погляжу на картину с искренним удовольствием. Затем вопросительно кивну: «Сколько ты за нее хочешь?» – «Она не продается, – категорически ответит он, – я должен показать ее мастеру, чтобы получить оценку». – «А после продашь?» – буду настаивать я. Художник помнется немного, прежде чем ответить. «После экзамена, думаю, можно», – неохотно согласится он.

Я подошел к перилам, обдумывая свое решение, и облокотился на них локтями. Подо мной ритмично, как танец под звуки тонгкунгона, наплескивались на камень набережной маленькие волны. На другом берегу золотистым айсбергом возвышалось здание ассамблей. Но светлый образ увлеченного художника не выходил из моей головы. Вновь из-за белых облаков выглянуло солнце. И внезапно, острая, как луч, мысль обожгла меня. Я не вправе покупать работу начинающего художника. Нет, я в самом деле не должен этого делать. И отчетливо представил себе, как погублю художника в самом начале его творческой стези. Первый успех застит ему глаза. Они подернутся пеленой алчности. Он слишком рано решит, будто бы достиг совершенства, что удача никогда не изменит, что он уже состоялся как настоящий мастер, чьи работы уже теперь покупают. И тогда его талант задохнется в самом себе. Художник не должен продавать свои работы. Он вообще не должен что-либо продавать. Он должен только работать. И питаться разве что святым духом. Он сам должен быть святым. Зной вынудит его работать усердней, голод поможет чувствовать острее, а одиночество удержит от искушений, всего того, что развлекает безмозглых обывателей. Художник выше этого. Не всякому дан такой прекрасный талант. Вот почему настоящих художников мало. Так было прежде. Теперь время другое. Сегодня не приходится голодать, одеваться в обноски, страдать от одиночества. Да и не нужно все это. Тем более, здесь, на Борнео. Только вот настоящему художнику не стоит продавать своих работ. Пусть за него это делают другие. Устояв перед соблазном, я повернулся и уверенно зашагал на Индийскую улицу.

* * *

Когда я вернулся в галерею, Рамзай сидел за столом и с выражением внутреннего покоя, сосредоточенно нанизывал бисер на тонкую нить, явно намереваясь спасти древнюю культуру коренных жителей Борнео от забвения. Из этого бисера может получиться украшение для женского платья, шапочка охотника, а может быть сумка. Сейчас местные жители используют такие вещи лишь по праздникам, но в сувенирных лавках их охотно покупают туристы.

Оторвавшись от работы, Рамзай поднял голову и радушно меня поприветствовал; скромная улыбка вновь появилась на его лице.

– Как твои успехи? – спросил он.

– Вчера провел замечательный день в Кубахе, – ответил я.

– Какие планы теперь? – поинтересовался он.

– Собираюсь в Бако, – сообщил я. – Прямо завтра и поеду.

– Там тоже есть орхидеи. Но ты ведь знаешь, многие виды утрачены навсегда. Так что искать их в лесу бесполезно.

– Жаль. Недавно я посетил сад орхидей в Кота Падаван, там было много цветущих местных видов. Надеюсь, это не последнее место их обитания.

– Некоторые коллекционеры разводят их в своих питомниках, – заверил Рамзай. – Мы могли бы посетить один. Дай мне знать, когда вернешься в Кучинг, мы вместе навестим моего друга. Он замечательный цветовод.

– Хорошо, – тотчас согласился я.

– Я позвоню ему. Он будет нам рад, – сказал Рамзай.

Затем я огляделся по сторонам.

– Признаюсь, я видел не так много работ местных художников, – промолвил я. – Но орхидеи лучше всего получаются у Наронг.

– Мне тоже нравятся ее цветы, – согласился Рамзай. – Все рисуют птиц, цветы, сцены сельской жизни. У каждого есть темы, в которых они сильны. Это правильно. – Рамзай положил на стол нить бисера, поглядел на меня и продолжил: – Многие художники стремятся запечатлеть наш ускользающий мир: то, что никогда больше не повторится. Эти цветы – украшение нашей жизни. Они обогащают мечты. Не так уж много осталось орхидей в наших лесах. И все, что может сделать художник – это сохранить их на своих полотнах. Наронг это удается. И птицы-носороги. Они почитаются в наших деревнях как посредники между людьми и богами. Их изображение очень символичны. И образ жизни селян меняется под влиянием пришлой цивилизации. Она притягивает молодежь. Молодые люди отправляются в город в поисках идеалов. Тут они становятся другими – такими как все. И это закономерность. Все, что художник носит в своей душе, то и отражается в его живописи. Но художник способен задержать ускользающий мир силой. Силой своего искусства. Иначе, с чем же мы останемся?

– А вы что-нибудь слышали, будто власти собираются возвести мост над рекой в этом районе?

Рамзай удивленно поглядел на меня.

– Откуда такие сведения?

– Один таксист рассказал.

– Ходит такой слух. Но все понимают, если над рекой построят мост – перевозчики на своих лодках лишаться заработка. За свою работу они получают всего пятьдесят сен с пассажира. Такая маленькая плата. Но они гордятся своей работой. А мост погубит их. Мне очень жаль.

– Согласен. Просто я видел репродукции ваших картин с такими лодками. Мне показалось, вы уже что-то знаете о планах строительства моста.

* * *

В день посещения питомника нам повезло: распогодилось. С утра казалось, дождь никогда не прекратится: он лил сплошной тяжелой завесой. Но вдруг к полудню прояснилось. А потом солнце быстро подсушило улицы. Накануне Рамзай позвонил своему приятелю и договорился о встрече. Я пришел в галерею к назначенному часу. Мы сели в машину, припаркованную перед входом, и поехали.

Всего десять минут занял наш путь по улице Табуан, когда справа от шоссе зарябила сетка ограждения, за которой протянулись стройные ряды стеллажей с растениями. Рамзай повернул к главному входу. Когда мы выбрались из прохладного салона, нам навстречу вышел сотрудник питомника. Это был смуглый малаец средних лет с пышными кучерявыми локонами. Он радушно поприветствовал нас. Рамзай представил нас друг другу, после чего мы зашагали к зеленой сокровищнице.

– Здесь секция ванд, – махнул Джак рукой на длинные ряды, сидящих в маленьких керамических горшочках растений, чьи толстые спутанные корни, будто змеи, свисали едва ли не до пола. – А там, направо, – фаленопсисы, каттлеи, цимбидиумы.

Мы, прежде всего, повернули налево, но Джака позвали на отгрузку цветов, и он, пожелав нам приятного времени, оставил нас одних среди своих подопечных.

Во влажном теплом воздухе стоял цветочный аромат, смешанный с запахом сырой земли. На дощатом полу было скользко, так что я в своих сандалиях несколько раз поскользнулся, к счастью, обошлось без падения. Многие орхидеи цвели, другие попросту зеленели, набирая силы для развития новых бутонов. И все они были по-своему оригинальны. Среди цветов, пожалуй, только орхидеям присуща фантастическая пластичность: они удивляют богатством форм, размерами, окраской.

– Ты посмотри, как хороша эта ванда, – произнес Рамзай с благоговением, наклонив цветок, чтобы лучше рассмотреть.

Я кивнул, хотя ничего особенного именно в этом экземпляре не нашел. Какие-то бледные цветки кремового оттенка с розоватыми крапинками на вытянутой губе и основании лепестков. Они походили на стайку глазастых насекомых из волшебных сказок даяков. Другой цветок среди орхидей-бабочек мне приглянулся больше. Он был яркий, красный с белыми жилками на широких лепестках, похожих на крылья мотылька. Но Рамзай не обратил на него никакого внимания. Я сфотографировал и тот и этот цветки, чтобы потом было над чем подумать. Ведь я понимаю картины Рамзая. Они нравятся мне, хотя и полны условностей, символов и тайн. Его работы отображают не только видимый образ, мастеру удается добиться созвучия и внешнего и внутреннего мира, отчего успех его труда очевиден. Выбранный им цветок ванды – образец внутреннего покоя, гармонии, душевного умиротворения, как характер Востока, а тот, что был замечен мной – кричаще пестрый, яркий, мятежный.

Мы прохаживались среди стеллажей, радуясь цветам, словно отпрыскам радуги. Казалось, что орхидеи глядят на тебя любопытными глазами. Они полны жизни. У каждой неповторимый нрав. Я бы не слишком удивился, если бы эти растения зашевелились, выражая эмоции, а то и вовсе заговорили со мной на своем цветочном языке. И мне этого очень хотелось. При своей неподвижности, они оказались весьма общительными, нужно только научиться правильно их понимать. И Рамзай понимал, а потом свое общение с цветами отчетливо выражал в картинах.

Прогулка среди орхидей полезна для вдохновения. После Рамзай возьмет кисти, чтобы отразить навеянные ощущения на холсте из волокон коры хлебного дерева, а я получу множество хороших снимков, которые будут хранить чудесные образы тех цветов, что произвели на меня большее впечатление. Общаясь с растениями, начинаешь понимать, что в том уголке мира, где нет места оружию, убийству, насилию, остается больше места живым цветам и на земле, и в твоей душе.

* * *

Потом мы забрали Джака и поехали обедать в ресторан «Золотой дракон».

– Как вам оранжерея? – поинтересовался Джак, обернувшись ко мне с переднего сидения.

– Я сделал достаточно хороших снимков, – ответил я.

Джак удовлетворенно кивнул и сообщил, что эти растения требуют много внимания, будто капризные женщины, и что не всегда удается заставить их цвести.

Я впервые слышал, чтобы цветы сравнивали с женщинами, и этот многозначительный образ мне понравился.

«Золотой дракон» оказался вполне уютным недорогим рестораном, в котором столики располагались снаружи под навесом и внутри – в светлом зале. На полках витрин были выставлены фрукты, торты, контейнеры с мороженым. Мне еще не доводилось бывать в этом зеленом районе особняков. Посетителей было мало. Из динамиков звучала национальная музыка. Сделав заказ, мы говорили о непонятной, но забавной для местного понимания отопительной

системе зимой в России, романе Пастернака, традиционных блюдах Борнео… но только не о живописи и орхидеях, хотя обе темы казались мне далеко не исчерпанными.

Когда перед нами появились полные тарелки, и мы принялись за еду, в ресторан вошел человек лет, наверное, сорока. На нем была синяя рубашка на выпуск и джинсы. Мне сразу же показалось, что я где-то его видел, хотя и не был знаком. Увидав Рамзая, он улыбнулся и направился к нам. Рамзай тоже обрадовался встрече и представил его как своего хорошего друга и талантливого художника.

– Составишь нам компанию? – предложил Рамзай.

– Охотно, – ответил Кун Ли – так его звали.

Рамзай подсказал мне, что картины Кун Ли выставлены на втором этаже галереи, и я вспомнил их. Это был батик – мир коралловых рыб. Узнав, откуда я приехал, Кун Ли немало удивился, сказал, что впервые общается с русским человеком и стал подробно расспрашивать меня о Третьяковской галерее, будто решил, что я, по меньшей мере, заведую ее коллекциями. Он с восхищением соглашался с тем, как много там работ художников с мировым именем. И что залы галереи доступны по Интернету. И что несколько раз посещал выставки виртуально. А я тем временем все присматривался к нему, гадая, где я мог видеть этого человека раньше. Как вдруг меня осенило.

– Это вы были на променаде со студентами на прошлой неделе? – спросил я.

– Да, в тот раз проходил контрольный пленэр, – ответил Кун Ли.

– Я сделал несколько снимков ваших ребят за работой. Увлеченные молодые люди.

– Не думаю, что все добьются больших успехов, но среди них есть таланты.

– Один высокий с длинной челкой, он сидел на скамейке. Мне кажется, он подает большие надежды.

– Наверное, Айонг Джави. Он один из моих лучших студентов.

– Значит, интуиция меня не подвела. Я наблюдал за его работой. Думаю, из него выйдет толк.

– Посмотрим. Рано или поздно хорошие студенты проявляют себя. В самом начале обучения я ставлю перед ними куб. Они рисуют его. На первом, втором, третьем занятиях я неизменно заставляю их рисовать этот куб и ничего больше. На очередном занятии, когда рисование куба им порядком надоедает, и появляются недовольные, я игнорирую их протесты и снова ставлю перед ними куб. Они рисуют его до тех пор, пока перестают повторять самих себя, начинают рисовать его иначе, в особой манере, добиваясь оригинальности вместо пустого подражательства.

Когда к нам подошел официант, Кун Ли заказал себе чай и рути с овощами. А я, доев суп на курином бульоне, принялся за рис и рыбу, посыпанные хрустящими зелеными веточками папоротника мидин. Рамзай и Джак тем временем за едой обсуждали новую работу Наронг «Цветочная фантазия», выставленную вчера в галерее. Рамзай гордился этой картиной, выделил для нее лучшее место и теперь во всеуслышание заявил:

– Наронг – сильный художник. Эти цветы распустились в ее душе. Я рад за нее.

И все согласились с оценкой. Я тоже восхищался этой картиной. На ней были изображены те самые ванды, которые сегодня так покорили Рамзая в питомнике.

* * *

Вечереет. На променаде теперь много народу. Свет заходящего солнца отражается в окнах зданий, что возвышаются на побережье, и стены их приняли апельсиновый оттенок. По воде пляшут золотистые улыбки. Из уличных ресторанов, которые виднеются на противоположном берегу под шатрами, доносится музыка. Стены форта еще не порозовели, купаясь в

лучах солнечного заката, так что я еще успею к нему добраться до темноты, чтобы поснимать, – решил я, стоя на причале в ожидании лодки.

Как вдруг в очереди среди пассажиров я увидел знакомого голландца, с которым познакомился во время экскурсии в пещеры Мулу. На вид ему было лет тридцать. Высокий, худощавый, с коротко стрижеными светлыми волосами. Он был в шортах и белой майке с изображением птицы-носорога на груди. Завидев меня, он подошел, приветливо улыбаясь. Те несколько минут, пока мы ждали перевозчика и потом пересекали реку на лодке с маленьким флажком Саравака, трепетавшем на носу, он все рассказывал мне о своей утренней вылазке в джунгли в окрестностях горы Сантубонг. «Я выехал рейсовым автобусом пораньше, – говорил он. – И мне повезло. Я наблюдал много интересных птиц. Жаль, со мной не было бинокля. Теперь я непременно куплю бинокль и отправлюсь на Сантубонг еще раз…» Но я почти не слушал его, а жалел, что у меня нет денег, чтобы купить картину Наронг «Цветочная фантазия» выполненную в ее оригинальном стиле.

Неунывающее племя

Когда я поехал искать хищные растения в Бако, то вовсе не надеялся увидеть там странных обезьян с большим носом. Мне думалось, что такие редкие животные скрываются в труднодоступных местах и на люди не показываются.

Из Кучинга я выехал рейсовым автобусом до речной пристани, затем нанял моторную лодку, и перевозчик около получаса вез меня по реке Батанг-Бако к морскому заливу, на берегу которого разместился туристический лагерь Телок-Ассам с бунгало, рестораном и администрацией национального парка.

Лодка гудела морским зверем, скользя по мутным водам большой реки. На берегах виднелись хижины рыбаков. Потом поселки остались позади. Речная долина расширилась, впереди открылся залив, и стало видно сияющее до горизонта море. Слева темнели склоны горы Сантубонг, а справа по холмам рос густой лес. Я всматривался в береговые заросли в надежде увидеть какую-нибудь живность. Над водой, высматривая жертву, кружил белобрюхий орлан, вдруг его широкие крылья приподнялись, и орлан резко бросился к воде, пронесся над самой ее поверхностью, схватил когтями рыбу и, набирая высоту, полетел к деревьям. Тщетно рыба била хвостом в воздухе: ее судьба определена. За каждым скалистым мысом открывался узенький песчаный пляж с мангровыми деревцами. И все это я старался запечатлеть на снимках.

Вскоре лодка вошла в залив и стала резво подпрыгивать на взбрыкивающих волнах. Соленые брызги из-под носа лодки обдавали меня и освежали. Здесь ветры, дождь и море так обработали береговые скалы, что на них будто бы вытесаны маски, и кажется, что эти скалы корчат ужасные рожи. Я глядел на зеленые кущи, на мангровый лес, на скалы и мысленно уже видел себя в этих зарослях.

Дело было днем. Море в это время отступило от берегов, и залив обмелел. Мой перевозчик – пожилой, сухощавый ибан в рубахе и джинсах – вдруг заглушил мотор, поднял его над водой и взялся за весло. Я с недоумением следил за его усердными попытками грести в сторону берега, до которого было еще очень далеко. Затем перевозчик встал на корме, продолжая свою отчаянную работу веслом то справа по борту, то слева, но лодка едва продвигалась. Я понял, что с такой скоростью до лагеря нам и к завтрашнему дню не добраться. Но мои сомнения развеялись еще более удручающим номером: когда из-за очередного мыса со скалой, похожей на голову черепахи, среди деревьев показались строения, перевозчик указал на них рукой и предложил мне идти туда пешком. Плыть дальше нельзя, сообщил он, а то лодка поцарапается о дно и повредится мотор. В это время мои глаза обильно слезились, не от радости, конечно, а от яркого солнца, бликов, пляшущих по воде, и, казалось, просоленного воздуха. Я украдкой утирался платком, чтобы старик ибан не заметил моего заплаканного лица с красными глазами. Подставив ко лбу руку козырьком, я поглядел на берег. Вот это да! – прикидывал я. – Так ведь придется шлепать с полкилометра! Тут я живо вспомнил объявление на пристани: «Остерегайтесь крокодилов!» и посмотрел вокруг – на окружающие нас мутные воды. Но перевозчик был настроен выставить меня из лодки решительно, и повторил свое требование. Я повесил рюкзак на спину, спрыгнул в теплую воду и, забрав сумку, попрощался с хладнокровным стариком.

– Поторопись, здесь есть крокодилы, – любезно предупредил он, – а вот акулы сюда редко заплывают.

В ответ я пообещал вынести себя из воды целым, хотя в голосе моем прозвучало нескрываемое сомнение, но что еще скажешь на такое заботливое предостережение старого ибана? Я двинулся к берегу, понимая, что оказался меж двух зол не менее коварных, чем те, которые подстерегали барона Мюнхгаузена в болотах. Я брел по колено в воде и озирался по сторонам, чтобы вовремя заметить спешащего ко мне с разинутой пастью крокодила, хотя и не представлял толком, как мне с ним драться. Тут уж кому повезет, мне, крокодилу или акуле. Берег мед-

ленно приближался. Там был широкий серый пляж, за ним стена прибрежной растительности, и виднелись маленькие фигурки прогуливающихся по песку людей.

И все-таки мне повезло, я выбрался на илистое мелководье без приключений и зашагал по щиколотку в воде, а потом ступил на влажный песок. Прибрежные гибискусы, фикусы и пальмы зааплодировали мне своей плотной листвой, словно сочувствующие зрители.

Очутившись, наконец, в Телок-Ассаме, я устроился в бунгало, пообедал и до вечера гулял в соседнем лесу, фотографируя макак, бородатых свиней и бабочек.

На другой день я отправился на плато, где меня ждала встреча с редкими орхидеями, непентесами и муравьиными деревьями. Из лагеря мой путь лежал к высоким скалам через небольшой мангровый лес. Я шагал по деревянным мосткам. Был отлив, и по влажной земле среди торчащих, словно кинжалы, дыхательных корней мангров шныряли крабы, в поисках червей бегали кулики, они ловко вытягивали добычу из ила своим длинным, как пинцет, клювом, и ползали ящерицы, перебравшиеся сюда из леса, – пока не начался прилив, тут всем находилось, чем поживиться.

Как вдруг я увидел рыжего парня. Он сидел неподалеку под мангровым деревцем ко мне спиной и задумчиво глядел на сияющее в солнечных лучах море. Было странно, что он расселся там, на сыром песке, по которому бегают крабы. Я приближался, поглядывая на этого чудака, и вдруг увидел у него длинный хвост, до сих пор скрываемый от меня кустом. Затем этот рыжий черт обернулся с видом серьезного кинозрителя, чтобы посмотреть, кто там, на задних рядах, шуршит фантиками, почесал под мышкой и снова уставился на море, блуждая в каких-то своих мечтах.

В то время, когда этот приятель на меня поглядел, я заметил его огромный, свисающий до подбородка, нос. Если бы это существо не было известно науке, я бы принял его за инопланетянина. Приближаясь, я торопливо достал из сумки засидевшегося в темноте Никона, но как только стал делать снимки, носач поднялся и застенчиво удалился в соседние кусты.

Никогда прежде я не видел такой большой живописной обезьяны. На спине гладко уложена длинная шерсть, рыжая, как пламя, на голове плотно сидит красный беретик, а ноги, руки, хвост – белые. Розовая морщинистая физиономия под низким лбом, карие глаза и простодушная улыбочка, над которой смоквой нависает округлый нос – таков его портрет. Что касается грандиозного носа, полагают, он более всего привлекает внимание самки: чем нос больше – тем, значит, лучше. Удивляет и размер живота: у носача он огромный, словно внутри надут воздушный шар. В таком большом животе без устали работает огромный желудок, населенный бактериями, которые помогают хозяину переваривать жесткую клетчатку, разрушать яды листьев и усваивать питательные вещества. При всем этом носачи лишены удовольствия полакомиться спелыми плодами. В противном случае, в желудке началось бы такое вулканическое брожение, что несчастный носач мог бы лопнуть. Больше того, носачу категорически противопоказаны растения-антибиотики, иначе они убьют его полезные бактерии, и тогда случиться смертельное несварение в желудке. Словом, носачи крепко привязаны к родному острову, к мангровому лесу и к своим бактериям.

Я мигом проникся симпатией к этому местному жителю, ко всем носачам сразу и нарек их своими любимыми обезьянами. Вскоре я увидел других носачей. Кроме нескольких пузатых патриархов, в стаде были более изящные курносые самки, молодые не столь носатые самцы и детеныши. Они сидели на деревьях, под деревьями, в кустах и, срывая листья, отправляли их в рот.

Потом я зашагал по мосткам к беседке. В ней толпились туристы с фотоаппаратами, видеокамерами, мольбертами. Народ со всего света приезжает в Бако на день-другой, чтобы нанести визит носачам, а потом стремглав уносятся в другие закоулки планеты, чтобы уже завтра и там фотографировать достопримечательности. Носачей же присутствие толпы нисколько не беспокоило. Они живут в своем маленьком мире, в котором нет места людям, едят, спят,

воспитывают детенышей, все остальное – чужая суета. Нигде на всей Земле не найти такой мирной идиллической картины, как на этом клочке мангрового леса.

Решив, что растения могут подождать до завтра, я остался в компании носачей. Обезьяны неспешно перемещались по деревьям, балансируя своим упругим хвостом, и поедали жесткие листья. Общались носачи мирным похрюкиванием. За матерями не отставали их малыши. Они тоже тянули свои робкие ручонки к листьям и пробовали их на вкус. Когда взрослые самцы встречались, то заводили разговор и гнусаво ворчали друг с другом, обсуждая, наверное, какие-то политические вопросы. А молодежь лазала в кронах и затевала там веселую возню.

Прямо надо мной сидел еще один важный господин и обдирал ветку. Чтобы показать мои мирные намерения, я сделал вид, словно тоже срываю и ем листья. Носач с недоумением на лице и свойственной его виду надменностью поглядел на меня, что-то пробурчал себе под нос и, отвернувшись, невозмутимо продолжил трапезу.

Ближе к вечеру, когда на море начался прилив, то есть примерно за два часа до заката, и вода стала затапливать мангровый лес, носачи потянулись к скалам. Они не торопились, так же как и наступающая на сушу вода, во всем их поведении присутствовала этакая царственная степенность. Они живут по исстари заведенному распорядку, составленному для них природой, и не пытаются его изменить. Один за другим носачи взбирались по камням, ветвям деревьев и пропадали из виду в чаще. Задержавшиеся в манграх бесстрашно спускались с деревьев, прыгали в воду и, встав на ноги, балансируя поднятыми кверху руками и хвостом, шагали по пояс в воде. А один молодой самец пустился плыть по-собачьи, добрался до скал, схватился за нависшую над водой ветку и, раскачиваясь на ней, прыгнул на другую, затем перелез на ствол дерева и о чем-то задумался там, глядя на затопленный внизу лес. К этому времени солнце уже висело над темными силуэтами дальних гор. Окрестности приняли золотистый цвет. А потом опустилась тьма.

Среди туристов в Бако мне запомнился один пожилой австралиец. Каждый день, обедая в ресторане, я видел его, неторопливо шагающего мимо по дорожке в сторону мангрового леса. Одевался он в светлую рубашку и брюки, на голове носил фетровую шляпу, а в руке держал большой черный зонт на случай внезапного дождя, хотя на прогулке он пользовался им как тростью. Этот высокий седовласый господин уже больше месяца жил в Бако, каждый день ходил в мангровый лес, где садился на скамейку в беседке и наблюдал носачей, как на экране кинотеатра. Всякий раз я встречал его там, и, казалось, будто носачи завораживали гостя упорядоченностью своей простой жизни. О чем он думал в эти минуты?

Позже мне довелось с ним познакомиться. Брайану было за семьдесят. Оставшись вдовцом, он стал часто приезжать на Борнео, где они с женой когда-то провели несколько замечательных недель. Носачи казались ему идеалом с их семейными традициями, наполненными ласками, страстью и чувством собственного величия.

В один из тех дней мы сидели в беседке посреди мангрового леса и разговорились.

– Но ведь у каждого самца тут настоящий гарем, за которым он вынужден следить во избежание неприятностей, – заметил я.

– Это требует от них внимания и заботы, но в этом стаде полный порядок, – ответил Брайан.

– А ведь носачи даже не подозревают, что с каждым годом их население убывает, – сказал я.

– Боюсь, для них все кончено, – горестно согласился Брайан, глядя, как весело под деревом кувыркаются два малыша. – К их счастью, они не подозревают об этом. А нам с вами повезло проводить среди них приятное время. Когда-нибудь люди будут завидовать нам.

– Неужели, никаких шансов?

– Шанс есть всегда.

Мне тоже хотелось надеяться. Мне просто не верилось, что носачи могут исчезнуть совсем. Ничего в этот солнечный день не предвещало дурного. И откуда такие мысли?..

– Впрочем, человек в их жизни не имеет никакого значения, – продолжил Брайан, вычерчивая на дощатом полу невидимые зигзаги металлическим кончиком своего зонта. – А мы с вами любуемся на них. Изучаем их привычки. И печалимся об их судьбе. Ведь будущее этих редких обезьян зависит от того: сумеет ли человек сохранить их мангровые леса от исчезновения... Человечество так много теряло. К сожалению, оно привыкло безвозвратно терять. И эта потеря тоже будет незаметной. Но это печально… – Потом Брайан заговорил оптимистичней: – Ничего лишнего в их жизни. Вон тот самец на толстом суку, – показал зонтом, – жует зеленый лист, как и тысячу лет назад жевал его предок. Разве интересно ему, будут ли его потомки жить здесь через тридцать лет? Он об этом не думает. Хватает других забот. И в этом его счастье… Ничего лишнего, все будто бы по протоколу или по неписаному природой закону. Он очень доволен собой, не так ли?

Я охотно кивнул, глядя на невозмутимого носача, благодушно улыбающегося нам из-под носа.

В лагерь я вернулся в задумчивости. Долго носачи не уходили из моей головы. Так я был взволнован их необыкновенной историей.

Плато

Карабкаясь по кривой темной тропе среди скал и деревьев, я думал над тем, что весь мир состоит из препятствий. Внизу остались уютный лагерь, пляж и мангровый лес. А тут скользкий камень под ногами, острые сучья, норовящие выколоть глаз, и выжимающий пот крутой склон, на котором цепляешься за все, что торчит под рукой. Между тем мой взгляд выхватывал яркие образы: цветущую ветку иксоры с пучками ярких коралловых цветков, маленькие бегонии с малахитовыми листьями, непентесы с наперсточного размера кувшинчиками. Я рассматривал их, фотографировал, стараясь удержаться на откосе, и затем продолжал свой путь наверх. Как вдруг над головой показался просвет. Тропа стала не такой крутой, и когда большие деревья расступились, я вышел на каменистую, сияющую на солнце, поляну.

Плато. Здесь было очень жарко, – казалось, солнечные лучи пронизывали меня насквозь. Вокруг рос низенький лес корявых деревьев и кустов. Он обрамлял широкие каменные проплешины, более всего напоминающие лунную поверхность. С этой плоской вершины открывался широкий обзор: море, дальние горы, покрытые джунглями склоны. В промоинах серых каменных плит бегут прозрачные ржаво-красные ручейки, рябят на ветерке теплые лужи, тут и там зеленеют крошечные островки с пучками травы. Под деревьями скопилась палая листва, она побурела, и по этому покрывалу мягко ступать. Где-то здесь, на влажном лугу, растут редкие хищники-росянки, ради которых я карабкался на это плато, чтобы их поснимать.

В этом странном лесу возрастом семьдесят пять миллионов лет (в доисторические времена эта часть Борнео находилась под водой) обнаружены зеленые реликты. И теперь я бродил среди зарослей с надеждой их отыскать. Повсюду попадались муравьиные деревья. На своих ветвях они образуют наросты, которые служат жильем рыжим муравьям. Со стороны это некрасивое образование выглядит как высушенный баклажан или клубень со множеством крошечных отверстий и бородавок, а внутри оно пронизано ходами. Муравьи живут в этом необычном доме и выращивают потомство, а в случае, если кто-нибудь к их ветке прикоснется, высыпают наружу и угрожающе размахивают большими челюстями. И это ничего, что по их меркам я гигантского роста: муравьиная храбрость безгранична. Среди сухой ломкой травы разрослась еще одна доисторическая редкость – плаун ликоподиум – примитивное растение похожее на многоголовых изумрудных змеек. Их стебли покрыты плотной чешуей. Жаркая влажная атмосфера, лужицы и ручейки создают подходящие для плауна условия. Тут и там виднеются наземные орхидеи-бромхедии. Единственный белый цветок с желтоватой губой возвышается на стебельке, чтобы его было лучше видно насекомым, и приятно пахнет карамелью. Повсюду на стволах деревьев растут орхидеи-дендробиумы с вытянутым сморщенным стеблем без листьев и длинным, как ус, цветоносом, с которого уже несколько месяцев как слетели последние цветки. Теперь дендробиумы отдыхают до следующего сезона. И вот еще одна диковина – необычное хвойное дерево – дакридиум. Оно похоже на многоярусный канделябр. Его ствол и ветки густо покрыты чешуйчатыми хвоинками. В довершение этого торжества флоры здесь празднично цветут небольшие деревца из рода плоириум. Их бело-розовые цветки привлекают пчел нежным сладким ароматом.

Лес на плато служит местом охоты непентесов. Встречаются они повсюду в таком количестве, что должны были давно переловить всех насекомых. В тени кустов устроили засаду непентесы-ампулярии. Их пузатые кувшинчики толпятся среди мха. У них нет крышки, вместо нее – узкий зеленый зачаток, направленный в сторону, будто ручка. Блуждая в зарослях, можно решить, что это гнезда с горластым выводком какой-нибудь мифической птицы. На лугах многие кусты плотно увешаны плетями непентеса-альбомаргината. Этот хищник-лиана развесил свои изящно вытянутые в форме восточной вазы нефритовые кувшинчики с листовидной крышкой. Но в лесу тоже есть свой охотник – непентес-раффлезиана. У него самые

большие кувшины в этом регионе. Растет он прямо на земле среди деревьев, и с каждого удлиненного листа спускается на тонкой жилке громоздкий, будто глиняный, горшок для каши. В нем поместился бы и мой кулак. Эти кувшины и в самом деле такие тяжелые, что стоят на земле, привязанные, словно пуповиной, к своему листу. Каждый кувшин разрисован большими бордовыми пятнами и крапинками на зеленом фоне, сзади он снабжен парой гребней, а сверху нависает лиловая похожая на лист крышка. Другой вид – непентес-грацилюс тоже расставил свои небольшие стройные бледно-зеленые кувшинчики на земле. Они похожи на мензурки, забытые в лесу каким-то сумасшедшим химиком. Несмотря на столь внушительные стаи зеленых хищников, мелкие комары все-таки досаждали мне, пока я фотографировал.

Через плато проложены несколько троп. Одни ведут к дальним пляжам, другие – в джунгли, третьи – на вершины гор. Эти тропы среди леса белы от мелкого, как толченый мел, песка. В некоторых местах вода промыла тропу до серых плит, и теперь по ним скатываются, прыгают, звенят ручейки. А местами разлиты широкие лужи кристально-чистой воды, тогда их приходится обходить по глинистой кромке.

Несколько дней подряд я навещал плато, бродил по лужайкам, но так и не сумел отыскать ни одной росянки. Тогда я решил обратиться к проводнику из служащих заповедника. Вилфрид – невысокий усатый малаец средних лет согласился помочь мне найти это скрытное растение.

В то утро, выйдя из комнаты на террасу бунгало, я порадовался хорошей погоде. Но уже во время завтрака я увидел тяжелую черную тучу, надвигающуюся со стороны моря. Было только начало восьмого. Вскоре туман окутал горы по ту сторону залива. Потом вдруг поднялся ветер, на море началось волнение, и вот уже тучи густым синим фронтом надвинулись на берег Бако. Потемнело. Все вдруг покрылось серой непроглядной завесой дождя.

Макаки, которые обычно промышляли в ресторане, пропали из виду. Напоследок одна из них успешно атаковала стол туриста: едва парень отвернулся, как хвостатая бестия спрыгнула с карниза, схватила кусок хлеба с его тарелки и умчала в соседние кусты. Только ее и видели.

Ливень заставил меня отсиживаться в местном маленьком музее до полудня. Я читал стенды, рассматривал макеты, потом сел за столик у открытого окна и стал делать записи в своей тетрадке под шелест дождя. В тропиках ливни не слишком продолжительные. Чем дождь сильнее, тем быстрее он заканчивается, словно небо торопится поскорее излить накопленную воду. На этот раз ненастье развернулось надолго. Я даже беспокоился, что придется совсем отказаться от похода, ведь завтра мне нужно возвращаться в город. Но Вилфрид обещал, что мы все равно пойдем на плато, как только дождь прекратится, хоть во второй половине дня.

Под окном возле старого похожего на еловую шишку жалкого цикаса с обглоданным пучком листьев, затеяли раскопки две бородатые свиньи. Чего они там искали – неизвестно, только после их трудов весь дерн был перевернут корнями наружу, и обнажилась бурая почва. Но это заповедные свиньи, поэтому такие шалости на газоне им прощаются. Напротив окна на ветвях фикуса расселись макаки. Они с задумчивым видом тоже терпеливо дожидались хорошей погоды.

Наконец, далеко над морем, посреди густой черноты, появился светло-синий просвет. Он стал медленно расширяться. Начали открываться дальние горы. И вот уже они открылись совсем, будто с них скинули покрывало. Их темные силуэты громоздились над взволнованным морем. Мало-помалу небо расчистилось, показалось солнце, и от земли пошел пар. Некоторое время радужный дождик еще продолжал моросить, и окрестности празднично преобразились, сверкая в солнечных лучах. Дождь совсем прекратился лишь к часу дня.

Мы с Вилфридом встретились возле музея, когда он закончил возить на тележке газовые баллоны для кухни ресторана. Уже в самом начале нашего похода я убедился в надежности моего проводника. Вилфрид показывал мне все то, что я, не заметив, проходил мимо. Я не

обратил внимания даже на зеленую змею, которая висела кольцами на ветке гибискуса возле тропы.

– Как ты ее разглядел? – спросил я Вилфрида, когда тот окликнул меня, чтобы показать рептилию.

– Я увидел более светлый тон ее чешуи среди зеленых веток, – объяснил он.

– А что, если бы змея укусила меня? – допытывался я.

– Пришлось бы вызывать лодку и отправлять тебя в городской госпиталь, – ответил он. – Если ничего не предпринимать, от ее укуса можно умереть.

Пока мы взбирались на плато, мой проводник показывал съедобные, ядовитые и лекарственные растения.

– Вот имбирный куст, – мой проводник взялся за удлиненный глянцевый лист. – Чай из его корня помогает от простуды. Кроме этого – хорошая приправа, выводит из кишечника токсины и улучшает аппетит.

Я глядел на растение и усваивал его важные достоинства.

Потом Вилфрид показал на молодое деревце с перистыми, как у акации, листьями.

– Вот это называется «тонгкат али» по-малайски или эврикома длиннолистная по-научному, – объяснил он. – Ее корни даяки размельчают и заваривают для лечения малярии.

Через несколько метров Вилфрид присел на корточки, сорвал какой-то рифленый овальный листок и показал мне.

– Это тапак сулейман, – объявил он. – Тоже используется против малярии.

– Что с ним делают? – спросил я, разглядывая лист.

– Заваривают и пьют чай, – ответил он.

Мало-помалу мы взобрались на плато и зашагали по белой меловой тропе, которая через некоторое время повела нас вниз, пока мы не оказались на влажном лугу. Тут Вилфрид принялся осторожно бродить среди пучков травы, склонив голову, и что-то там высматривать. С четверть часа прошло, прежде чем мой проводник отыскал хищницу и позвал меня: вот она!

Я увидел скромное растеньице с пучком маленьких листочков, покрытых ворсинками с клейкими капельками на конце. Это и была здешняя редкость. Крошечная хищная травка, увенчанная маленьким розовым цветком, сидящим на длинном стебельке – на вид невинное существо, но если к его листочку приклеится неосторожное насекомое, то уже не спасется: к нему подтянутся соседние ворсинки, как волосы горгоны-медузы. Насекомое гибнет в этих плотных объятиях, а растение, переварив добычу, получает свой скудный паек питательных веществ. Удача этой ценной находки взбодрила меня, ведь самостоятельно я бы вряд ли так скоро разыскал эту росянку, и принялся делать снимки. А Вилфрид давал советы, чтобы лучше получилось: не падает ли от фотоаппарата тень, подходит ли фон, а может, лучше лечь на землю, чтобы снять цветок в выгодном ракурсе?..

Потом еще с полчаса, обливаясь потом, мы бродили по лужайке, внимательно просматривая каждый сантиметр под ногами, и отыскали еще две хищницы. Посреди знойного дня под палящим солнцем мы с Вилфридом ощущали себя, как в душной бане, где черти поливают водой на раскаленные камни. Чтобы не свариться заживо, мы решили закончить нашу экскурсию и отправились в лагерь.

Longhouse

Наступил суетный день тридцать первого мая. Город готовился к новогоднему празднику Гавай даяк: над витринами магазинов, шумно громыхая, сворачивались вверх жалюзи, на улицах стало больше машин, у базарных прилавков уже толпились первые покупатели. Они торопились закупить продукты, подарки и разъезжались по деревням, чтобы всей семьей отметить окончание сбора урожая, воздать почести духам предков и справить свадьбы. Солнце, будто бы торжествуя, припекало все веселей, гуще становился жаркий влажный воздух, а теплый ветерок, налетая со стороны реки, колебал листья пальм и путался в кронах цветущих баухиний. «Selamat Gawai!» – возвещали праздничные плакаты с витрин, стен высоких зданий и придорожных фонарных столбов. В такое суматошное утро рейсовый автобус уносил меня из Кучинга. Я собирался посетить старую деревню племени ибанов, что на реке Лиманак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.